

ПРОСТО

ЛЮБИ

ЖИЗНЬ

НОВИНКА
ОТ АВТОРА
«ШОПОГОЛИКА»

СОФИ
КИНСЕЛЛА

Софи Кинселла
Просто люби жизнь
Серия «Романы для хорошего настроения. Софи Кинселла»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67915427

*Просто люби жизнь:
ISBN 978-5-04-172539-6*

Аннотация

Ава верит в настоящую любовь. Сайты знакомств, где нужно выбирать мужчину по росту, знаку Зодиака и профессии, кажутся ужасно скучными и неромантичными. После недавнего расставания девушка решает повременить с чувствами и отправляется в Италию, чтобы наконец закончить свой роман. В творческой резиденции, где она поселилась, нельзя пользоваться телефонами, называть подлинное имя и раскрывать какие-либо факты своей биографии.

Но в один из дней Ава знакомится с безумно красивым парнем. Между ними сразу вспыхивает искра. Бурному курортному роману – быть! Они ничего не знают друг о друге, но счастливы и влюблены.

По возвращении в Лондон пара договаривается раскрыть свои имена и познакомиться по-настоящему. Но, кажется, все было идеально только под палящим итальянским солнцем. Аве и Мэту

предстоит узнать, смогут ли они принять друг друга в настоящей жизни.

«Софи Кинселла идет в ногу со временем. Когда я читаю ее книги, у меня от смеха кружится голова». – Джоджо Мойес

«Завораживает... Уникальный роман Кинселлы о природе компромисса, в котором идеально сочетаются юмор и жизненно важные темы, затрагивающие каждого. Этот ромком – настоящий хит». – Publishers Weekly

«Мило, откровенно и честно о том, что же нужно для любви двум людям с абсолютно разными жизнями». – Kirkus Reviews

«У Кинселлы уникальный талант к написанию ромкомов». – The Boston Globe

Содержание

Один	6
Два	36
Три	50
Четыре	64
Пять	95
Шесть	115
Семь	129
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Софи Кинселла

Просто люби жизнь

Памяти Сьюзен Камил¹

© Рябцун М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Один

Едва я тянусь к дверному звонку, как мой телефон издает звуковой сигнал входящего сообщения, и у меня в голове мгновенно возникает переключка возможных вариантов.

Кто-то из знакомых умер.

Кто-то из знакомых выиграл в лотерею.

Я опаздываю на встречу, о которой напрочь забыла. Блин.

Я была свидетелем преступления, и теперь должна дать очень конкретные, подробные показания о том, чего не могу вспомнить. *Блин.*

Мой врач просматривала мои записи. (Зачем? Неясно.) И кое-что нашла. «Я не хочу вас беспокоить, *но...*»

Кто-то прислал мне цветы, и их забрал мой сосед.

Знаменитость только что написала в твиттере что-то, что мне нужно увидеть. Ух.

Что?

Но когда я достаю телефон, я вижу, что это сообщение от Сета, парня, с которым у меня было свидание на прошлой неделе. И который за весь вечер не сказал мне ни единого слова. *Ни единого.*

У большинства парней противоположная проблема. Они бубнят о себе и своих блестящих достижениях, а когда вы оплачиваете свою половину счета, спохватываются: «Так повтори, чем ты занимаешься?» Но Сет лишь молча таращился

на меня своими близко посаженными глазками, пока я нервно лепетала о тыквенном супе.

Что он там написал? Хочет еще одного свидания? Упс. При одной мысли об этом у меня скручивает желудок, а это — знак. Одно из моих главных жизненных правил: прислушайся к своему телу. Тело мудрое. Тело *знает*.

Ничего страшного. Я его вежливо отошью. Отшивать я умею неплохо.

Привет, Ава. Поразмыслив, я понял, что не могу продолжать наши отношения.

О. Хм. Понимаю.

Не важно.

Я неспешно закатываю глаза. Хотя я понимаю, что он меня не видит, у меня есть очень слабая теория, что через телефон можно каким-то образом передавать эмоции. (Я ни с кем не делилась этой теорией, потому что, на мой взгляд, большинство людей довольно узколобы. Даже мои лучшие друзья.)

Возможно, ты решила, что я тебе пишу, чтобы попросить о еще одном свидании, и в этом случае мне жаль, что я вселил в тебя надежду.

Надежду? *Надежду*? Ну конечно!

Ты захочешь знать причину.

Что? Нет. Не захочу, большое спасибо.

Я имею в виду, что могу догадаться.

Нет, вычеркните это. Не могу.

В любом случае почему я должна гадать? Кто захочет угадывать, почему кто-то не хочет с ним встречаться? Звучит, как какое-то ужасное игровое телешоу под названием «*Это потому, что у меня неприятный запах изо рта?*».

(У меня нет неприятного запаха изо рта. Что угодно, только не это.)

Боюсь, я не смогу встречаться с женщиной, которая считает, что у тыквенного супа есть душа.

Что?

Я в ярости смотрю на телефон. Он *совершенно* неправильно меня понял. Я *не говорила*, что у тыквенного супа есть душа. Я просто сказала, что, по моему мнению, стоит придерживаться широких взглядов на связь между физическим и духовным. Что я и делаю. Что нам всем стоит делать.

Словно читая мои мысли, Гарольд сочувственно поскуливает и тычется носом мне в ногу. Видите? Если это не доказательство, что все в мире взаимосвязано, то что же тогда доказательство?

Я хочу написать в ответ: «Извини, что недостаточно уколоба для твоего ограниченного взгляда на жизнь». Но это означало бы, что я прочитала его сообщения, а я их не читала.

Ну, хорошо, *читала*, но дело в том, что я удаляю их из своего сознания. Все. Какой-такой Сет? Свидание? О чем вообще речь?

Точно.

Я звоню в дверь, а затем открываю дверь ключом, который дала мне Нелл. Мы все так делаем, на случай если у Нелл приступ. Уже прошло некоторое время, но они могут коварно возникнуть на ровном месте.

– Нелл? – окликаю я.

– Привет! – Она выходит в прихожую с широкой улыбкой и розовыми торчащими волосами.

– Ты снова покрасилась в розовый! – восклицаю я. – Мило.

Цвет волос Нелл менялся примерно 106 раз с тех пор, как мы вместе учились в университете, в то время как мой не изменился ни разу. У меня все такие же темно-каштановые прямые волосы до плеч, которые так легко стягивать в конский хвост.

Не то чтобы волосы сейчас действительно занимали мои мысли. Я на мгновение отвлеклась на сообщения Сета, но теперь, когда я вошла в дом, у меня начало сжиматься горло. Я ощутила тяжесть в животе. Я бросаю взгляд на Гарольда, и он вопросительно поворачивает ко мне голову в своей очаровательной манере, от которой у меня начинает щипать в глазах. О боже! Я действительно могу это сделать?

Нелл садится на корточки и протягивает руки к Гарольду.

– Готова к отпуску?

Мгновение Гарольд изучает ее, затем поворачивается, и его влажные карие глаза жалобно смотрят на меня.

Те, кто считает, что собаки не понимают, что мы говорим и делаем, *ошибаются*, потому что Гарольд *понимает*. Он храбрится, но ему так же тяжело, как и мне.

– Я не могу взять тебя в Италию, Гарольд, – говорю я, с трудом сглатывая. – Я тебе уже говорила. Но это не займет много времени. Я обещаю. Неделя. И всё.

Его морда искажена душераздирающим выражением «Почему ты так со мной *поступаешь*?». Хвост мягко постукивает по полу – ободряюще, с надеждой; как будто я могу внезапно передумать, отменить рейс и пойти с ним играть.

Я поклялась, что не буду плакать, но при взгляде на его выразительную, умную морду меня переполняют слезы. Мой Гарольд. Лучший в мире бигль. Лучшая в мире собака. Лучшая в мире *личность*.

– Гарольду *не терпится* остаться со мной, – твердо говорит Нелл, ведя нас в гостиную. – Верно, Гарольд?

В ответ Гарольд еще больше кривит морду и душераздирающе скулит.

– Этой собаке место на сцене, – говорит Сарика, с удивлением глядя на него из-за своего ноутбука. Сарика на самом деле не любительница собак – она это признает, – но она поклонница Гарольда. Невозможно познакомиться с Гарольдом и не стать его поклонницей.

Я нашла Гарольда в центре спасения четыре года назад, когда он был еще щенком, и это была мгновенная, абсолютная любовь. Он посмотрел на меня, его глаза заблестели, ды-

хание стало прерывистым и возбужденным, и он, казалось, произнес: «Вот и ты! Я знал, что ты придешь!»

Не скажу, что это было легкое плавание. До этого у меня никогда не было собаки. Я мечтала о ней в детстве, но мои родители были из тех, кто невнятно обещает, а потом ничего не происходит. Так что в деле ухода за собакой я была новичком. А Гарольд был новичком в том, чтобы за ним присматривали. Потому что, поверьте, за ним *не* присматривали те, кто бросил его на обочине А414. Это *не было* заботой. От одной мысли об этом мне становится жарко и тревожно.

В любом случае это было сложное привыкание. Когда Гарольд впервые появился в моей квартире, он был вне себя. Он совершенно ясно говорил: «Что я *наделал*, согласившись жить с тобой?» И у меня были такие же колебания. Было довольно много воя с обеих сторон. Но теперь я не представляю свою жизнь без него. И все же я здесь, планирую оставить его на неделю.

Может быть, мне стоит отказаться. Да. Я должна отказаться.

– Ава, перестань нервничать. Ты понимаешь, что он *пытается* заставить тебя чувствовать себя плохо? – говорит Нелл. Она поворачивается к Гарольду и строго на него смотрит. – Послушай, приятель, я не поведусь на твои дурацкие выходки. Ава может отправиться в отпуск без тебя. *Это допустимо*. Так что хватит доставлять ей неприятности.

На долгое мгновение Гарольд и Нелл встречаются взгля-

дами – две огромные личности, противостоящие друг другу, – затем наконец Гарольд успокаивается. Он бросает на меня очередной укоризненный взгляд, но подходит к коврику у камина рядом с креслом Нелл и садится.

Ладно, может быть, я не буду отказываться.

– *Не извиняйся* перед ним, – говорит мне Нелл. – *И не трать* всю неделю, мечтая о видео с Гарольдом, вместо того чтобы писать книгу.

– Я и не собиралась! – говорю я, защищаясь.

– У нас все будет хорошо, – повторяет она. – *Отлично.*

У меня не так много жизненных правил. Но вот одно из них: если вздумаешь себя пожалеть, навести Нелл. Она жесткая, когда нужно. Она отшвыривает от тебя глупые мысли. Ее деловитое отношение пронизывает тебя, как порыв резкого холодного воздуха.

– Здесь его вещи. – Я ставлю на пол объемистую сумку. – Кровать, миска для воды, одеяльце, еда... О, его эфирные масла! – вспоминаю я, извлекая из сумки бутылочку. – Я приготовила для него новую смесь лаванды и кедра. Тебе просто нужно обрызгать его...

– Постель, – перебивает Нелл. – Ава, расслабься. Ты уже отправила мне пять электронных писем по этому поводу, помнишь? – Она берет у меня бутылочку и внимательно изучает ее, прежде чем поставить на место. – Это напомнило мне о том, что я хотела спросить. Что случилось с твоей квалификацией по ароматерапии?

– О, – запинаясь я. – Я все еще... занимаюсь этим. Вроде того.

Мои мысли возвращаются к книгам по ароматерапии и к бутылочкам в уголке кухни. Я прохожу онлайн-курс, и я *должна* к нему вернуться, потому что определенно хочу работать ароматерапевтом на неполный рабочий день.

– Вроде того? – уточняет Нелл.

– Я взяла паузу. Просто с работой и написанием этой книги... Ты же знаешь. – Я тяжело вздыхаю. – Жизнь мешает.

Моя работа заключается в написании фармацевтических брошюр и статей в интернете, что я уже в значительной степени могу делать и во сне. Я работаю в фармацевтической компании Брейксонов, расположенной в Суррее. Все прекрасно, мне нравится фирма, и они в основном позволяют мне работать из дома. Но я всегда стараюсь расширить свои горизонты. Если вас интересует мое мнение – жизнь слишком коротка, чтобы *не* расширять свои горизонты. Вы всегда должны думать: «Это хорошо... но что *еще* я могу сделать?»

– Тем больше причин поехать в Италию и сосредоточиться на написании книги, – твердо говорит Нелл. – Гарольд хочет, чтобы ты это сделала. Правда, Гарольд?

В ответ Гарольд издает проникновенное «вау-у!» – иногда он воет совсем как волк, – и Нелл смеется. Она треплет Гарольда по голове сильной, крепкой рукой и говорит:

– Глупый пес.

Мы дружим с Манчестерского университета. Нелл, Сари-

ка, Мод и я – все мы познакомились в университетском хоре и подружились во время поездки в Бремен. До этого Сарика, считай, не произнесла ни слова; поначалу мы знали о ней только то, что она изучает юриспруденцию и может взять верхнее «До». Но после нескольких стаканов она призналась, что тайно спит с дирижером, но их сексуальная жизнь становится немного «темной». Так что теперь она хочет бросить его, но при этом остаться в хоре. Что мы думаем по этому поводу? Мы провели целую ночь, потягивая немецкое пиво и обсуждая этот вопрос, а также пытаюсь выяснить, что именно означает «темная».

(В конце концов Нелл разбила свой стакан и сказала: «Просто, черт возьми, *объясни* нам, хорошо?»)

(Это было немного грубо. Не стоит повторять или даже думать об этом.)

Как бы то ни было, Сарика бросила дирижера и осталась в хоре. Это было четырнадцать лет назад (как *это* случилось?), и мы дружим до сих пор. Из нас четверых только Сарика еще поет в хоре – но, с другой стороны, она всегда была самой музыкальной. Кроме того, она постоянно ищет мужчину, чьи интересы совпадали бы с ее интересами, и считает, что лондонские хоры – отличное место для начала отношений. Как и велосипедные клубы. Каждый год она присоединяется к новому хору и каждые полгода меняет велосипедный клуб, и у нее довольно много парней.

Я имею в виду три серьезных кандидата за два года.

Неплохо для Лондона.

Мы все живем по соседству в северном Лондоне, и хотя наши жизни во многом отличаются, мы сейчас более близки, чем когда-либо. За последние несколько лет мы несколько раз катались на американских горках. Мы кричали и хватали друг друга за руки, как буквально, так и... как оно там.

Не-буквально.

Метафорически? В переносном смысле?

Здорово. Завтра я уезжаю на недельные писательские курсы и при этом не могу подобрать антоним к слову «буквально».

– Какой антоним к слову «буквально»? – спрашиваю я Сарику, но она сосредоточенно стучит по клавиатуре ноутбука, темные блестящие волосы скользят по клавишам. Сарика часто сосредоточенно стучит по клавишам своего ноутбука, даже когда приходит к Нелл. (Мы обычно собираемся у Нелл.)

– Никаких курильщиков, – бормочет Сарика, нажимает на клавишу и пристально смотрит в экран.

– Что? – Я вытираюсь на нее. – Это что, работа?

– Новый сайт знакомств, – объясняет она.

– О, какой именно? – с интересом спрашиваю я. У Сарики больше денег, чем у любой из нас, так как она юрист, поэтому она единственная, кто может позволить себе зарегистрироваться на дорогом сайте знакомств, а затем проинформировать нас.

– Никаких экстрасенсов, – рассеянно отвечает Сарика, нажимает очередную клавишу и поднимает глаза. – Он называется «Встречусь с тобой». Очень дорогой. Но зато получаешь то, за что платишь.

– «Никаких экстрасенсов»? – скептически переспрашивает Нелл. – Со сколькими экстрасенсами ты встречалась?

– С одним, – поворачивается к ней Сарика. – И этого больше чем достаточно. Я тебе о нем рассказывала. Тот, который решил, что сам знает, что мне *действительно* нравится в постели. Мы поспорили на этот счет, и я спросила: «Чье это тело?» – а он сказал: «Наше общее, чтобы наслаждаться».

– Ах, *этот*, – говорит Нелл, и в ее глазах загорается огонек. – Я не знала, что он экстрасенс, я думала, он придурок. А есть фильтр «Никаких придурков»?

– Не работает, – с сожалением говорит Сарика. – Никто не считает себя придурком. – Она поворачивается и снова стучит по клавиатуре. – Никаких магов, – быстро печатает она. – Никаких танцоров... Хм, как насчет хореографов?

– А что плохого в танцорах? – возражает Нелл. – Они всегда в форме.

– Я так не люблю, – говорит Сарика, неопределенно пожимая плечами. – Будет каждый вечер уходить танцевать. А нам нужно общее время. Никаких рабочих на нефтяных вышках, – добавляет она, подумав, и снова печатает.

– Как работает этот сайт? – озадаченно спрашиваю я.

– Начинается с отбора тех, кто тебе не подходит, – отве-

чает Нелл. – Он должен называться не «Встречусь с тобой», а «Отвали от меня». Ты, ты и ты.

– В твоих устах звучит очень негативно, – протестует Сарика. – Дело не в том, чтобы сказать людям «отвали», а в том, чтобы быть суперконкретной и не тратить время на просмотр неподходящих анкет. Берешь и оттачиваешь соответствие цели, пока не получишь идеальный короткий список.

– Покажи.

Я обхожу диван, чтобы заглянуть ей через плечо. Экран ноутбука заполнен мужскими лицами, и я моргаю, глядя на них. Они все кажутся такими милыми. Парень со щетиной в правом углу выглядит особенно мило. Выражение его лица говорит: «Выбери меня! Я буду добр к тебе!»

– Выглядит милым, – указываю я на него.

– Может быть. Хорошо, что дальше? – Сарика сверяется со списком на своем телефоне. – Никаких вегетарианцев.

– Что? – Я потрясенно смотрю на нее. – Никаких *вегетарианцев*? Что ты такое говоришь? Сарика, как ты можешь быть такой узколобой? Твоя сестра – вегетарианка! Я – вегетарианка!

– Знаю, – спокойно говорит она. – Но я не хочу встречаться со своей сестрой. Или с тобой. Прости, детка. Ты же знаешь, я люблю твой крамбл² с халлуми³. – Она протягивает

---

² Крамбл – английский десерт, сладкий или несладкий пирог, представляющий собой запеченные фрукты, ягоды или сыр, покрытые крошкой из песочного теста.

руку и ласково обнимает меня за талию. – Но мне нужен кто-то, с кем я смогла бы пожарить курицу.

Она нажимает на «Фильтры», и появляется окно с четырьмя заголовками: «*Да, пожалуйста!*», «*Не против*», «*Нежелательно*» и «*Неприемлемо*».

– «Неприемлемо», – твердо говорит Сарика, начиная печатать в окне «Вегетарианец». После первых букв слово «*Вегетарианец*» автоматически заполняется, и она нажимает на него.

– Ты не можешь исключить всех вегетарианцев, – в полном ужасе говорю я. – Это предвзятое мнение. Это... это вообще законно?

– Ава, расслабься! – парирует Сарика. – Смотри. Это даже забавно. «Применить фильтр».

Когда она нажимает, фотографии на экране начинают мерцать. Затем на разбросанных по экрану лицах один за другим появляются большие красные кресты. Я бросаю взгляд на симпатичного парня – и испытываю потрясение. На его лице крест. Выглядит так, словно его приговорили к смертной казни.

– Что это? – с тревогой спрашиваю я. – Что это такое?

– Это называется «Последний шанс», – объясняет Сарика. – Я могу помиловать любого из них, щелкнув по нему.

---

³ Халлуми – левантййский сыр, пришедший в Европу из кипрской кухни. Имеет высокую температуру плавления, и поэтому его можно жарить или готовить на гриле.

– Помилуй его! – говорю я, указывая на своего любимца. – Помилуй!

– Ава, ты ничего о нем не знаешь, – закатывает глаза Сарика.

– Он хорошо выглядит!

– Но он вегетарианец, – говорит Сарика и нажимает «Готово».

Экран снова мерцает, и все парни с перечеркнутыми лицами исчезают. Оставшиеся фотографии кружат по экрану, а затем снова собираются в аккуратные ряды, причем место исчезнувших занимают новые.

– Отлично, – удовлетворенно говорит Сарика. – Куда-то я добралась.

Я смотрю на экран, потрясенная этим процессом отбора.

– Это жестоко, – говорю я. – Бессердечно.

– Но лучше, чем наугад, – вставляет Нелл.

– Вот именно! – кивает Сарика. – Это научно. На сайте более восьмисот фильтров. Рост, работа, привычки, место жительства, политические взгляды, образование... Алгоритмы, кажется, были разработаны в НАСА. Можешь обработать пять сотен парней в мгновение ока. – Она снова сверяется со своим списком. – Хорошо, переходим к следующему. Не выше шести футов трех дюймов. – Она снова начинает печатать. – Я пробовала с высокими. Это не по мне.

Она нажимает «Применить фильтр», появляются три красных креста, и через несколько секунд на экране возни-

кает новая подборка парней.

– Кстати, одна женщина применяла фильтры, пока на экране не остался только один парень. Она познакомилась с ним, и они до сих пор вместе, – добавляет Сарика, прокручивая список. – Это идеально.

– Все равно мне это кажется неправильным, – говорю я, в смятении глядя на экран. – Так не должно быть.

– Это единственный способ, – возражает Сарика. – Сейчас практически все встречаются онлайн, верно? *Прак-ти-чески все*. Миллионы людей. Миллиарды.

– Думаю, да, – осторожно отвечаю я.

– Все встречаются онлайн, – четко повторяет Сарика, как будто она выступает с докладом на TED⁴. – Это все равно что прийти на вечеринку с коктейлями, а там собрался весь мир, и каждый пытается поймать твой взгляд. Так ничего не получится! Нужно сузить круг поисков. Следовательно... – Она указывает на экран.

– ASOS⁵ – это плохо, – вставляет Нелл. – Вчера я искала «белую блузку». Знаешь, сколько мне предложили вариантов? Одна тысяча двести шестьдесят четыре. Я решила, что у меня нет времени на это дерьмо. Взяла первую попавшуюся. Какая разница.

---

⁴ TED – американский частный некоммерческий фонд, известный прежде всего своими ежегодными конференциями.

⁵ ASOS – британский онлайн-магазин одежды и косметики. Веб-сайт продает более 850 брендов, а также свой собственный ассортимент одежды и аксессуаров.

– Вот именно, – подтверждает Сарика. – И это – блузка, а не спутник жизни. «Не более чем в десяти минутах езды от станции метро», – быстро печатая, добавляет она. – Хватит с меня таскаться по квартирам у черта на куличках.

– Ты исключашь парней, которые *живут дальше, чем в десяти минутах езды от метро?* – У меня отвисает челюсть. – Это так *важно?*

– Можно создавать свои собственные фильтры; если они им понравятся, их добавят на веб-сайт, – объясняет Сарика. – Сейчас они рассматривают мой фильтр о частоте мытья волос.

– Но что, если идеальный парень живет в одиннадцати минутах езды от станции метро?

Я знаю, что говорю слишком взволнованно, но ничего не могу с собой поделать. Я уже вижу его. Он пьет на солнышке кофе, одет в велосипедные шорты, слушает плей-лист Баха и тоскует по кому-то, похожему на Сарику.

– Он соврет, – спокойно говорит Сарика. – Он напишет: «десять минут». Все в порядке.

Она действительно не понимает, в чем проблема.

– Сарика, послушай, – в отчаянии говорю я. – Что, если есть потрясающий парень ростом шесть футов пять дюймов, вегетарианец и он живет в двадцати минутах езды от Крауч-Энда⁶... а ты исключила его? Это же безумие!

---

⁶ Крауч-Энд – область Северного Лондона, примерно в пяти милях (8 км) от лондонского Сити в западной половине района Харингей.

– Ава, не психуй, – спокойно говорит Сарика. – Должны же быть *какие-то* «Неприемлемо».

– Нет, ты не понимаешь, – непреклонно говорю я. – У меня нет никаких «Неприемлемо». Мне нужен хороший мужчина, вот и всё. Порядочный, цивилизованный человек. Мне все равно, как он выглядит, какая у него работа, где он живет...

– А что, если он ненавидит собак? – вскидывает бровь Сарика.

Я замолкаю.

Он не может ненавидеть собак, потому что только странные, ужасные люди не любят собак.

– Хорошо, – наконец уступаю я. – Это мое единственное «Неприемлемо». Он должен любить собак. Но это – единственное условие. Буквально.

– А как насчет гольфа? – коварно вставляет Нелл.

Черт бы ее побрал. Гольф – моя ахиллесова пята. Я признаю, что испытываю иррациональное отвращение к этой игре. К костюмам. И к людям, которые в нее играют.

Но в свою защиту скажу: причина в том, что я жила рядом с самым крутым гольф-клубом в мире. Там была общественная пешеходная дорожка, но если *попытаться* прогуляться по ней, возникали разъяренные люди в одинаковых джемперах, которые махали руками, требуя, чтобы я не шумела или возвращалась, и называли меня *идiotкой*.

Это раздражало не только меня; совету пришлось перегово-

ворить с гольф-клубом. Очевидно, они ввели новую систему знаков, и теперь все улажено. Но к этому времени я уже переехала и пришла к выводу, что на гольф у меня аллергия.

Впрочем, сейчас я этого не признаю, потому что мне не нравится считать себя человеком с предубеждениями.

– У меня нет проблем с гольфом, – говорю я, вздергивая подбородок. – И в любом случае дело не в этом. Дело в том, что два совпадающих списка атрибутов – это не *любовь*. Алгоритмы – это не *любовь*.

– Алгоритмы – это единственный способ, – говорит Сарика, щурясь на экран. – М-м-м, а он милый.

– Хорошо, где алгоритм, который скажет мне, как пахнет парень? – парирую я чуть более страстно, чем намеревалась. – Где алгоритм, который скажет мне, как он смеется или как гладит собаку по голове? Вот что для меня важно, а не все эти несущественные детали. Я могу влюбиться в ученого или фермера. Он может быть пяти или семи футов ростом. Пока еще существует химия организма. *Химия*.

– Ах химия, – говорит Сарика, обмениваясь улыбками с Нелл.

– Да, химия! – вызывающе возражаю я. – Вот что важно! Любовь – это... это... – Я подыскиваю слова. – Это невыразимая, таинственная связь, которая возникает между двумя людьми, когда они соединяются, и они чувствуют это... и они просто это знают.

– Ава... – Сарика смотрит на меня с нежностью. – Ты и

есть любовь.

– Она готовится к своему литературному курсу, – предполагает Нелл. – Ты понимаешь, что у Лиззи Беннет был миллион «Неприемлемо», Ава? «Никаких высокомерных заносчивых типов. Никаких идиотов-священнослужителей». – Нелл кивает Сарике. – Добавь и это.

– «Никаких идиотов-священнослужителей», – Сарика делает вид, что печатает, ухмыляясь поверх ноутбука. – Может, написать: «Заявку могут подать только те, у кого роскошный дом»?

– Очень смешно.

Я опускаюсь рядом с ней на диван, и Сарика примирительно кладет руку на мою.

– Ава. Детка. Мы разные, вот и всё. Мы хотим разного. Я хочу избавиться от всех этих напрасных трат времени. В то время как ты хочешь... химии.

– Ава хочет волшебства, – говорит Нелл.

– Не *волшебства*. – Я слегка вздрагиваю, потому что мои подруги вечно считают, что я слишком романтична и смотрю на мир через розовые очки, но это *не так*. – Чего я хочу, так это... – Я замолкаю, мои мысли немного путаются.

– *Чего* ты хочешь? – спрашивает Нелл, и в ее голосе звучит неподдельное любопытство.

Наконец я перевожу дыхание.

– Я хочу парня, который будет смотреть на меня... а я буду смотреть на него... и всё. Чтобы нам не нужно было ничего

говорить. Вот и всё.

Я неопределенно замолкаю. Это должно быть возможно. Любовь *должна* быть возможной, иначе что мы все здесь делаем?

– Я тоже этого хочу, – кивает Сарика, разрушая чары. – Всего в десяти минутах езды от станции метро.

Нелл ржет, захлебываясь от смеха, и я неохотно улыбаюсь.

– Вообще-то у меня сегодня вечером свидание, – признаюсь я. – Вот почему я не могу остаться.

– Свидание? – Сарика вскидывает голову. – И ты говоришь нам об этом только сейчас?

– Я-то думала, ты собираешь вещи для поездки в Италию, – почти обвиняюще говорит Нелл.

– Я *соберу* вещи. После свидания.

– Потрясающе! – Глаза Сарики сверкают. – Где вы познакомились – на вечеринке мороженого?

– Нет, на балу, – вставляет Нелл. – Он помог ей, когда у нее сломалось колесо кареты.

– Он написал записку гусиным пером и сунул ее Аве в шляпку, – хихикает Сарика.

– Ха-ха. – Я закатываю глаза. – Разумеется, в интернете. Но я не создавала миллион искусственных «Неприемлемо», я действовала *инстинктивно*.

– Инстинктивно? – эхом отзывается Нелл. – В смысле?..

– Его глаза, – гордо говорю я. – У него такой взгляд...

После катастрофического свидания с Сетом я придума-

ла новую теорию: все дело в глазах. Мне *никогда* не нравились глаза Сета. Это должно было мне подсказать. Поэтому я зашла в интернет и искала парня с великолепными глазами... и я нашла его! На самом деле я очень взволнована. Я смотрю на его фотографию и ощущаю с ним настоящую связь.

– По глазам можно многое сказать о человеке, – признаёт Сарика. – Ну-ка, посмотрим.

Я открываю фотографию и мгновение с любовью смотрю на нее, прежде чем показать Сарике, а затем Нелл.

– Его зовут Стюарт, – говорю я им. – ВОТ он какой.

– Приятные глаза, – соглашается Нелл, – признаю.

Приятные? Это все, что она может сказать? Какие чудесные глаза! Они излучают тепло, ум и остроумие, это видно даже на крошечной фотографии в телефоне. Я никогда *не встречала* таких удивительных глаз, а я просмотрела множество анкет на сайтах знакомств...

– Гарольд! – внезапно вскрикивает Сарика, и я в тревоге вскакиваю. – Это мой сэндвич с курицей! *Плохая собака!*

Пока мы разговаривали, Гарольд бесшумно подкрался к Сарике со стороны дивана и вытащил из ее сумки завернутый в пищевую пленку сэндвич из Прет-а-Манже⁷. Теперь он переводит взгляд с нее на меня и на Нелл, как бы говоря: «И что вы собираетесь делать?»

– Гарольд! – упрекаю я. – Брось! – Я делаю шаг к нему, и

---

⁷ Прет-а-Манже – достаточно крупная английская сеть кафе быстрого питания.

он на шаг отступает. – Брось! – повторяю я без особой убедительности.

Яркие глаза Гарольда снова обводят комнату, как будто он оценивает ситуацию.

– Брось. – Я стараюсь, чтобы мой голос звучал повелительно. – *Брось!*

– Брось! – эхом отзывается Нелл, ее алыт раскатывается по комнате.

Я медленно наклоняюсь к Гарольду, и его взгляд следует за мной дюйм за дюймом, пока я внезапно не хватаю его. Но я слишком медлительна. Для Гарольда я всегда слишком медлительна. Он срывается с места и скользит в угол за телевизором, где его никто не может достать, а затем начинает яростно жевать обертку, время от времени останавливаясь, чтобы окинуть нас троих триумфальным взглядом.

– Чертов пес, – говорит Нелл.

– Не надо было оставлять сэндвич в сумке, – качает головой Сарика. – Гарольд, не жри *пластик*, ты полный идиот.

– Гарольд? – доносится знакомый голос из прихожей. – Где этот роскошный пес?

Мгновение спустя в дверях появляется Мод, держа за руки двух своих детей, Роми и Артура.

– Извините, опоздала, – произносит она в своей театральной манере. – *Кошмарная* школа. Я *целую вечность* не видела Гарольда, – добавляет она, поворачиваясь, чтобы улыбнуться ему. – Он с нетерпением ждет свой маленький от-

пуск?

– Он не роскошный пес, – зловеще сообщает Сарика. – Он плохой, непослушный пес.

– Что он натворил? – спрашивает Артур, и его глаза загораются от восторга.

Гарольд – своего рода легенда во втором классе Артура. Однажды он снялся в сериале «Покажи и расскажи», где стащил школьного плюшевого мишку, убежал на детскую площадку, и трем учителям пришлось его ловить.

– Он украл мой сэндвич с курицей, – говорит Сарика, и оба ребенка покатываются со смеху.

– Гарольд все крадет, – заявляет четырехлетняя Роми. – Гарольд крадет *всю* еду. Гарольд, ко мне! – Она ободряюще протягивает руку, и пес приподнимает голову, как бы говоря: «Позже», и продолжает жевать.

– погоди, а где Берти? – спрашивает Мод, как будто только что заметила. – Артур, где Берти?

Артур выглядит озадаченным, как будто он никогда даже не подозревал, что у него есть брат по имени Берти, и Мод прищелкивает языком.

– Он должен быть где-то здесь, – неопределенно говорит она.

Основная загвоздка в жизни Мод заключается в том, что у нее трое детей, но только две руки. Ее бывший, Деймон, – адвокат. Он безумно много работает и довольно щедр на денежном фронте, но не в плане визитов. (Она говорит, что в

этом есть и положительные стороны: по крайней мере, жизнь ее детей не будет разрушена вертолетным воспитанием⁸.)

– Сарика, – начинает она. – Ты *случайно* не будешь проезжать через Масвелл Хилл⁹ в пять часов в четверг? Мне нужно, чтобы кто-нибудь забрал Артура с детского праздника, и я *просто* подумала...

Она хлопает ресницами, глядя на Сарика, и я внутренне усмехаюсь. Мод постоянно просит об одолжениях. Не посмотрим ли мы за ее детьми / не сходим ли в магазин / не изучим ли расписание поездов / не подскажем ли, какое давление в шинах должно быть у ее машины? И это – не с тех пор, как она стала матерью-одиночкой, это с тех пор, как я ее знаю. Я до сих пор помню встречу с Мод в хоре. Эта потрясающе выглядящая девушка с золотисто-карими завораживающими глазами подошла ко мне, и ее самыми первыми словами были: «Ты не могла бы купить мне пинту молока?»

Конечно, я сказала «да». Отказать Мод почти невозможно. У нее это – как сила супергероя. Но можно пытаться противостоять, и мы все прошли этот нелегкий путь. Согласившись на все просьбы Мод, мы бы фактически стали ее рабынями на полный рабочий день. Поэтому мы неофициально

---

⁸ Родители-вертолеты – родители, которые уделяют чрезвычайно пристальное внимание занятиям своих детей и школьным занятиям, стремясь не только защитить их от боли и разочарования, но и помочь им добиться успеха. Известно, что родители-вертолеты парят над своими детьми и чрезмерно вмешиваются в их жизнь.

⁹ Масвелл Хилл – пригородный район северного Лондона.

договорились о приблизительном соотношении один к десяти.

– Нет, Мод, – моментально говорит Сарика. – Я не могу. Я работаю, помнишь?

– Конечно, – беззлобно отвечает Мод. – Я просто подумала, может быть, у тебя сегодня выходной. Ава...

– Италия, – напоминаю я ей.

– Конечно, – горячо кивает Мод. – Не получится. Я понимаю.

Она всегда так очаровательна, что *хочется* сказать «да». На самом деле ей бы страной управлять, потому что может убедить любого сделать что угодно. Но вместо этого она управляет смехотворно сложной социальной жизнью своих детей, а также онлайн-бизнесом по продаже мебели, который, по ее словам, вот-вот начнет приносить прибыль.

– Ладно, не берите в голову, – говорит она. – Заварить чай?

– Ты не спросила меня, – раздается бодрый, но немного напряженный голос Нелл. – Не сбрасывай меня со счетов, Мод!

Когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Нелл, она улыбается достаточно широко – в стиле Нелл. У Нелл решительная улыбка. Сильная улыбка. Она как бы говорит собеседнику: «Пока что я не собираюсь тебя бить, но за ближайшие пять минут не поручусь».

– Не сбрасывай меня со счетов, – повторяет она. И она

вроде как шутит, но это не так. Я заставляю себя не смотреть на ее трость в углу, потому что в данный момент у нее хороший период, и мы не поднимаем эту тему, кроме тех случаев, когда она поднимает ее сама. За последние несколько лет мы этому научились.

– Нелл! – Мод выглядит потрясенной. – Прости. Какая оплошность. Ты заберешь Артура?

– Нет, – огрызается Нелл. – Отвали. Сама занимайся своими домашними делами.

Сарика шмыгает носом от смеха, и я тоже не могу сдерживать улыбку.

– Конечно, – так же серьезно отвечает Мод. – Я *полностью* понимаю. Кстати, Нелл, дорогая, я хотела сказать, что у твоей машины стоит отвратительного вида мужик и пишет записку. Мне с ним поговорить?

Сарика сразу же поднимает голову и смотрит на меня. Ощувив перемену атмосферы, Гарольд издает зловещий вой. Нелл хмурится.

– Он такой, похож на жалкого мерзавца?

– Да. Серые брюки. Усы. Что-то в этом роде.

– Это тот ублюдок Джон Свитмен, – говорит Нелл. – Переехал месяц назад. Он все время на меня нападает. Ему нужно это место, чтобы разгружать свои покупки. Он знает, что у меня синий значок, но... – Она пожимает плечами.

– *Ни за что*, черт подери, – говорит Сарика, захлопывая ноутбук и поднимаясь на ноги. – Что за люди!

– Ты останешься здесь, Нелл, – говорю я. – Мы этим займемся.

– Вы не обязаны сражаться за меня в моих же битвах, – хрипло говорит Нелл.

– Не *за* тебя. *С* тобой. – Я сжимаю ее руку, и мы с решительными выражениями лиц идем вместе с остальными во двор Нелл.

– Здравствуйте, добрый вечер, какие-то проблемы? – Мод уже здоровается с мужчиной своим шикарным учительским голосом, и я вижу, как он, слегка ошеломленный, оценивает ее внешность.

Хочу сказать, там действительно есть на что посмотреть. Шесть футов ростом на платформах, развевающиеся рыжие волосы, пышная юбка, пара столь же потрясающих рыжеволосых детей по бокам, а третий карабкается ей на плечи с крыши стоящего рядом внедорожника. (*Вот* где был Берти.)

– Человек-паук! – вопит он и снова перебирается на крышу машины.

– Какие-то проблемы? – повторяет Мод. – Полагаю, моя подруга припарковалась здесь *совершенно* законно, и написание этой необоснованной записки будет считаться...

– Преследованием, – ловко вмешивается Сарика. Она уже достала свой телефон и фотографирует парня. – Преследование по нескольким статьям. Сколько писем вы написали моей клиентке?

При слове «клиентка» глаза мужчины выпучиваются, но

он не отступает.

— Это зона для синих значков, — раздраженно говорит он. — Синий значок. Для инвалидов.

— Да. — Нелл делает шаг вперед. — У меня есть синий значок. Как вы можете видеть. С другой стороны, у вас синего значка нет.

— Дело в том, что моя квартира прямо там, — раздраженно говорит он, указывая на окно позади машины Нелл. — В отсутствие людей с ограниченными физическими возможностями я могу парковаться на этом месте. Это логично.

— У нее синий значок! — восклицает Сарика.

— Вы инвалид? — насмехается он над Нелл. — Такая молодая здоровая женщина? Не поделитесь, какова природа вашего недуга?

Я смотрю, как он оценивает ее внешность, и на мгновение вижу Нелл его глазами. Приземистая, резко очерченная фигура, выступающий подбородок, шесть сережек, розовые волосы, три татуировки.

Я знаю, Нелл скорее грохнется в обморок на улице, чем позволит этому парню ее жалеть. Несколько мгновений она молчит. Затем, с глубочайшей неохотой, с мрачным, как гроза, лицом, она говорит:

— У меня... хроническое заболевание. И это, черт возьми, не ваше дело.

— У моей подруги есть синий значок от властей, — говорит Мод, ее глаза опасно сверкают. — Это все, что вам нужно

знать.

– Власти могут ошибиться, – ничуть не смущаясь, настаивает Джон Свитмен. – Или их можно обмануть.

– Обмануть? – Голос Мод срывается от ярости. – *Обмануть?* Ты серьезно считаешь... – Но Нелл поднимает руку, чтобы остановить ее.

– Не трать понапрасну силы, Мод, – говорит она немного устало, затем поворачивается к Джону Свитмену. – Отвали на хрен.

– Поддерживаю, – оживленно говорит Мод.

– И я, – добавляю я.

– И я, – вставляет Сарика, не желая отставать.

– Человек-паук! – кричит Берти с крыши внедорожника и с размаху приземляется на плечи Джона Свитмена. Мужчина издает мучительный вопль, и я зажимаю рот рукой.

– Берти! – укоризненно восклицает Мод. – Не бей этого человека и не называй его невежей.

– Невежа! – тут же кричит Берти и бьет Джона Свитмена. – Невежа!

– Современные дети, – говорит Мод, закатывая глаза. – *Что поделать?*

– *Уберите его!* – с приглушенной яростью кричит Джон Свитмен. – А-а-а! Моя нога!

– Гарольд! – радостно визжит Роми, и я понимаю, что Гарольд выскочил, чтобы к нам присоединиться. Он вцепился зубами в брюки Джона Свитмена, сопит от возбуждения, и

в любую минуту нам придется платить за новую пару серых фланелевых брюк.

– Ко мне! – Я хватаю Гарольда за шкурку и с невероятным усилием оттаскиваю его, в то время как Мод забирает Берти. Каким-то образом мы все возвращаемся в квартиру Нелл, закрываем дверь и переглядываемся, тяжело дыша.

– Ублюдок, – говорит Нелл. Она всегда так говорит.

– Не сдавайся, – твердо говорит Сарика, и в глазах ее – решимость сохранить стойкость.

– Выпьем? – предлагает Мод. Она всегда это предлагает. А теперь моя очередь притянуть всех к себе в общем объятии.

– Все будет хорошо, – говорю я в наше темное, уютное тепло. Наши лбы соприкасаются, дыхание смешивается. Остальной мир остался снаружи, здесь только мы четверо. Наш отряд.

Наконец мы отстраняемся друг от друга, и Нелл успокаивающе похлопывает меня по спине.

– Все будет хорошо, – говорит она. – Как всегда. Ава, иди на свое горячее свидание. Поезжай в Италию. Напиши свою книгу. И не обращай *ни малейшего внимания* на эту плохую собаку.

Два

Горячее свидание. Ну и шутка. Ну и *шутка*.

Унизительней всего то, что я до сих пор о нем вспоминаю. Я сижу на дорогушем писательском ретрите¹⁰ в Италии. Наш инструктор, Фарида, знакомит меня с перспективами этой недели, и моя ручка послушно занесена над блокнотом. Но вместо того чтобы внимательно слушать, я предаюсь воспоминаниям.

Оно с самого начала пошло не так. Он оказался не таким, как я ожидала, – честно говоря, как и всегда. Все онлайн-свидания такие. У них походка не соответствует вашим ожиданиям, или волосы длиннее, или акцент не такой, как вы себе представляли. Или они просто неправильно пахнут.

Этот парень *и* пах неправильно, *и* пиво пил неправильно, *и* неправильно разговаривал. А еще ему было что сказать о криптовалютах, которые... ну, вы меня понимаете. Это интересно, но недолго. (Десять секунд.) И чем больше я понимала, что он – не тот, тем больше ощущала себя душой – потому что как же тогда мои инстинкты? И как же тогда его глаза?

Я продолжала всматриваться в его глаза, пытаясь най-

---

¹⁰ Ретрит – английское слово, вошедшее в русский язык как международное обозначение времяпрепровождения, посвященного духовной практике и совершенствованию. Ретриты бывают уединенные и коллективные.

ти в них жизненную силу, интеллект и очарование, которые увидела на его фотографии в профайле, но безуспешно. Он, должно быть, заметил, потому что неловко рассмеялся и спросил:

– У меня пена на бровях или что-то в этом роде?

Я тоже засмеялась и помотала головой. Я хотела сменить тему, но подумала: «Черт подери, почему бы не быть честной?» Поэтому я сказала:

– Это странно, но твои глаза выглядят *не совсем так*, как на веб-сайте. Наверное, так свет падает.

Вот тогда-то правда и вылезла наружу. Парень слегка растерялся и сказал:

– Да, в последнее время у меня были проблемы с глазами. Небольшое воспаление. Гной, понимаешь? Такой зеленова-то-желтый. – Он указал на левый глаз. – Было *плохо*. Я извел два тюбика мази с антибиотиком.

– Понятно, – сказала я, постаравшись не вздрогнуть. – Бедняга!

– В общем, сдаюсь, – продолжил он, – на фотографии в профайле я использовал не свои глаза.

– Ты... что? – спросила я, не вполне понимая.

– Я вставил себе чужие глаза в «Фотошопе», – как ни в чем не бывало сообщил он. – Тот же цвет, какая разница?

Не веря своим глазам, я достала телефон и открыла его фотографию из профайла – и это сразу стало очевидно. Глаза напротив меня были пустыми, тусклыми и скучными. Глаза

на экране были окружены морщинками, они очаровывали и манили.

– И чьи же это глаза? – потребовала я, тыча в них пальцем.

Парень хитро посмотрел на меня, пожал плечами и сказал:

– Брэда Питта.

Брэда Питта?

Он заманил меня на свидание *глазами Брэда Питта?*

Я разозлилась и чувствовала себя так глупо, что не смогла вымолвить ни слова. Но он, кажется, даже не заметил, что что-то не так. И даже предложил пойти в ресторан. Какая наглость! Уходя, я чуть не выпалила саркастически: «К твоему сведению, мои сиськи – это сиськи Леди Гаги». Но это могло бы послужить ложным сигналом.

Надо бы пожаловаться на веб-сайт, только меня это не волнует. Ничего из этого не беспокоит. Я возьму в отношении мужчин паузу. Да. Вот что я сделаю. Мои инстинкты могут просто отправиться в отпуск...

– Самое главное для вас, конечно, сохранять сосредоточенность, – проникает в мои мысли голос Фарида. – Отвлечение внимания – враг производительности, уверена, вам это известно.

Я поднимаю глаза и понимаю, что Фарида оценивающе смотрит на меня. Блин! Она поняла, что я ее не слушаю. Я вздрагиваю, как будто учусь в четвертом классе, и на географии меня поймали на передаче записки. Все остальные слу-

шают. Все остальные сосредоточены. Ну же, Ава. Не будь ребенком.

Я окидываю взглядом древнюю каменную комнату с высоким потолком, в которой мы сидим. Ретрит проходит в старом монастыре в Апулии¹¹. Нас восемь человек, мы сидим на потертых деревянных стульях, одеты в простые льняные пижамы-курты¹², которые нам выдали этим утром. Одно из правил этого ретрита: нельзя носить собственную одежду. Также нельзя использовать собственное имя. И никакого телефона. Вы должны сдать его в начале недели, и вам его вернут только на полчаса ночью или в экстренных случаях. К тому же здесь нет Wi-Fi. По крайней мере, для гостей.

Когда мы приехали, нам подали обед в отдельные спальни, чтобы мы не встретились раньше полудня. Комнаты представляют собой старые монашеские кельи с побеленными стенами и развешанными повсюду картинами с изображением Мадонны. (Кстати, стены келий частично разломаны. Ясное дело, у монахов было достаточно места для кроватей королевских размеров, письменных столов и оттоманок ручной работы из сувенирного магазина.)

После обеда я уселась на льняное покрывало кровати, пытаясь сосредоточиться на своем сюжете и лишь изредка про-

---

¹¹ Апулия – самая восточная область Италии.

¹² Курта – традиционная одежда в Пакистане, Афганистане, Таджикистане, Бангладеш, Индии, Непале и Шри-Ланке. Это свободная рубашка длиной до колен, которую носят как мужчины, так и женщины.

сматривая на ноутбуке фотографии Гарольда. Затем нас по отдельности привели в это помещение и попросили хранить молчание. Итак, я сижу с группой совершенно незнакомых мне людей, с которыми я не обменялась ни единым словом, только парой застенчивых улыбок. Еще пять женщин и двое мужчин. Все они старше меня, за исключением худого костлявого парня, которому на вид лет двадцать, и девушки, которая похожа на студентку колледжа.

Все это изрядно напрягает. Кажется странным. Хотя, честно говоря, я знала, что так и будет. Я прочитала кучу онлайн-отзывов, прежде чем записаться на этот курс, и девятьюстами процентами из них описывали его как «интенсивный». Остальные использовали такие слова, как «эксцентричный», «захватывающий», «сложный» и «много чертовых психов». А также «возвышенный» и «изменяющий жизнь».

Я предпочитаю верить в «возвышенный» и «изменяющий жизнь».

– Теперь позвольте мне объяснить вам философию этого литературного ретрита, – говорит Фарида и делает паузу.

Она часто делает паузы как бы для того, чтобы обдумать свои слова, перед тем как произнести. Ей за пятьдесят, она наполовину ливанка, наполовину итальянка. Я знаю это, потому что читала ее книгу о двойном наследии под названием «*Я и я*». По крайней мере, я осилила половину. (Книга немного длинновата.) У нее гладкие темные волосы и спокойные манеры, и она одета в ту же льняную пижаму-курту,

как и все мы, за тем исключением, что сидит она на ней намного лучше. Могу поспорить, она шила свой костюм на заказ.

— На этой неделе неважно, как вы выглядите, — продолжает она. — Или каково ваше происхождение. Или даже как вас зовут. Речь идет исключительно о ваших текстах. Уберите свое «я», и ваш текст засияет.

Я бросаю взгляд на худую темноволосую женщину, сидящую рядом со мной. Она пишет в своем блокноте: «Убери себя, и твой текст засияет».

Мне тоже это записать? Нет. Я в состоянии запомнить.

— Я много лет веду литературные ретриты, — продолжает Фарида. — Вначале у меня не было ни одного из этих правил. Мои ученики начинали с того, что представлялись, знакомились, рассказывали о своем прошлом и делились опытом. И что же дальше? Разговоры росли и множились, как грибы. Они болтали об издательском деле, детях, ежедневной работе, праздниках, текущих делах... И никто из них не писал! — Она хлопает в ладоши. — Никто из них не писал! Вы здесь для того, чтобы писать. Если у вас есть мысль, которую вы хотите выразить, *запишите ее в своем тексте*. Если у вас есть шутка, которой вы хотите поделиться, *запишите ее в своем тексте*.

Очень вдохновляет. Хотя и немного пугает. Худой костлявый парень поднял руку, и я восхитилась его мужеством. Я бы не рискнула поднимать руку в этот момент.

– Вы хотите сказать, что это безмолвный ретрит? Нам нельзя говорить?

Лицо Фарида расплывается в широкой улыбке.

– Вам можно говорить. Мы все будем говорить. Но мы не будем говорить о себе. Освободим наш разум от напряжения светской беседы. – Она окидывает нас суровым взглядом. – Светская беседа истощает творческий потенциал. Социальные сети подавляют мысли. Даже выбор одежды каждое утро – это ненужные усилия. Итак, на одну неделю мы оставим всю эту чепуху. Вместо этого займемся *большим* разговором. Персонажами. Сюжетом. Вопросами добра и зла. Правильным образом жизни.

Она берет с тяжелого резного бокового столика корзину и идет, раздавая пустые бейджи и ручки.

– Ваша первая задача – выбрать на неделю новое имя. Освободите себя от своих прежних «я». Станьте новыми «я», творческими личностями.

Когда я беру свой бейдж, я очень волнуюсь, становясь новым творческим «я». Кроме того, она права насчет нарядов. Я заранее знала о курте, так что легко собрала вещи. Солнцезащитный крем, шляпа, купальник и ноутбук, чтобы писать свою книгу, – вот и все, что мне было нужно.

На самом деле я собираюсь закончить свою книгу. Это романтическая история, действие которой происходит в викторианской Англии, и я немного застряла. Я добралась до момента, когда мой герой Честер, под золотым солнцем пуска-

ясь в путь на телеге с сеном, восклицает: «Когда ты в следующий раз встретишь меня, Ада, ты *поймешь*, что я человек слова!» Но я не знаю, что он будет делать дальше, а он не может оставаться на телеге с сеном все двести страниц.

Нелл считает, что он должен погибнуть в результате несчастного случая на производстве и тем самым помочь изменить устаревшее трудовое законодательство того времени. Но мне это кажется немного мрачноватым. И тогда она предложила: «Может, он покалечится?» — а я спросила: «Что ты имеешь в виду?», что было ошибкой, потому что теперь она продолжает гуглить ужасные несчастные случаи и присылать мне ссылки с комментариями вроде: «Может, он потеряет ногу??»

Беда в том, что я *не хочу* писать о том, как Честер покалечился в молотилке. Я также не хочу списывать злобного землевладельца со старого учителя химии Мод. Дело в том, что друзья очень полезны, но они зачастую *слишком* полезны. Все они предлагают свои идеи и сбивают с толку. Вот почему я думаю, что эта неделя будет действительно полезной.

Интересно, что сейчас делает Гарольд?

Нет. *Стоп*.

Я моргаю, возвращаясь к реальности, и замечаю, что женщина рядом со мной надевает бейдж с именем. Она назвала себя Метафорой. О боже. Быстро, мне нужно придумать имя. Я буду называть себя... как? Что-нибудь литературное? Сонет? Или Отступление? Или что-то динамичное, на-

пример, Скорость? Нет, это было название команды на шоу «Кандидат»¹³.

Ну же. Не имеет значения, как я себя назову. Я быстро пишу «Ария» и прикрепляю свой значок к пижаме.

Потом я понимаю, что Ария – это почти точь-в-точь мое настоящее имя. Ну что ж. Все равно никто не узнает.

– Отлично, – Фарида окидывает нас взглядом блестящих глаз. – Позвольте представить наших писателей.

Мы ходим по комнате, и каждый произносит свое имя вслух. Нас зовут Новичок, Остин, Книголюб, Метафора, Ария, Писец, Будущий Автор и капитан Джеймс Т. Кирк со звездолета «Энтерпрайз» – это тот костлявый парень. Далее он сообщает нам, что пишет графический, а не любовный роман, но его друг-сценарист сказал ему, что этот курс хо-рош, а учиться можно на чем угодно, верно? Затем он на-чинает разглагольствовать о Вселенной Marvel¹⁴, но Фарида мягко обрывает его и говорит, что для краткости мы будем

---

¹³ Шоу «Кандидат» (оригинальное название Fight Night) – боксерский поединок. Перед входом в зал каждый зритель получает индивидуальный пульт для голосования. Спектакль разделен на пять раундов, каждый из которых заканчивается зрительским голосованием с помощью пультов за одного из пяти актеров – участников поединка. Голосуя, зрители решают, кто продолжит «бой», а кто покинет ринг.

¹⁴ Вселенная Marvel – американская медиафраншиза, вымышленная общая вселенная, серия фильмов о супергероях, основанная на комиксах компании Marvel и разработанная киностудией Marvel Studios. Во франшизу также входят телесериалы, короткометражные фильмы, веб-сериалы и книжная продукция.

звать его Кирк.

Мне уже нравится, как выглядит Писец. У нее коротко подстриженные волосы с проседью, загорелое лицо и озорная улыбка. У Новичка белые, как сахарная вата, волосы, и ему, должно быть, не меньше восьмидесяти. Будущий автор – парень с седыми волосами и брюшком, а студентка – Остин. Книголюб выглядит лет на сорок и обменялся со мной дружелюбной улыбкой; тем временем Метафора уже подняла руку.

– Вы утверждаете, что мы не должны говорить о себе, – немного резко говорит она. – Но, конечно же, мы частично раскроем самих себя *в наших текстах*? – Она говорит так, как будто хочет поймать Фарида на слове, демонстрируя тем самым, какая она умная. Но Фарида просто невозмутимо улыбается.

– Конечно, вы раскроете свои души, когда будете писать, – говорит она. – Но это – ретрит по созданию романтической художественной литературы. Искусство вымысла состоит в том, чтобы представить реальность так, как будто она нереальна. – Она обращается ко всей комнате: – Будьте хитрыми. Применяйте маскировку.

Хороший совет. Может быть, я изменю имя своей героини с Ады на какое-нибудь другое, менее похожее на Аву. Викторьенна. Есть такое имя?

Я записываю «Викторьенна» в блокнот, а Фарида продолжает говорить.

– Сегодня мы рассмотрим принципы повествования, – говорит она. – Пусть каждый из вас скажет, что для вас значит история. Только одно предложение. Начнем с Остин.

– Хорошо. – Остин заливается ярким румянцем. – Это... гм... желание узнать конец.

– Спасибо, – улыбается Фарида. – Будущий Автор?

– Бог ты мой!! – с хриплым смешком восклицает Будущий Автор. – Почему бы и нет! Э-э... Начало, середина, конец.

– Спасибо, – снова говорит Фарида и собирается перевести дух, но тут раздается стук в огромную деревянную дверь. Дверь распахивается, и Надя, администратор курса, подзывает Фариду. Они торопливо перешептываются, в это время мы неуверенно переглядываемся, а затем Фарида поворачивается к нам.

– Как вы знаете, на этой неделе в монастыре проходят три разных ретрита, – начинает она. – Литература, медитация и боевые искусства. К сожалению, руководитель ретрита боевых искусств заболел, и замена ему не найдена. Этим гостям была предоставлена возможность присоединиться к одному из двух других ретритов – и трое решили присоединиться к нашей писательской группе. Прошу, поприветствуйте их.

Мы все с волнением смотрим, как еще шире открывается дверь. Входят двое мужчин и одна женщина – и мое сердце подпрыгивает. Высокий темноволосый парень. Вау.

Он улыбается, оглядывая комнату, и я чувствую, как у меня сжимается горло. Но это хорошо, потому что, оказы-

вается, мои инстинкты все-таки не собирались отправляться в отпуск. Мои инстинкты подпрыгивают, подтягивают дополнительную команду экстренных инстинктов и кричат: «*Смотри, смотри!*»

Потому что он *великолепен*. Я была на тридцати шести он-лайн-свиданиях – и ни одно из них так меня не потрясло.

Ему, должно быть, под сорок. Он хорошо сложен – это видно сквозь ткань курты. Волнистые черные волосы, легкая щетина, волевая челюсть, темно-карие глаза и плавные, легкие движения, с которым он садится. Он немного неуверенно улыбается своим соседям, берет у Фариды бейдж и ручку и задумчиво смотрит на них. Он самый красивый человек в комнате и на миллион миль вокруг, но, похоже, даже не замечает этого.

Я понимаю, что откровенно пожираю его глазами. Но это нормально, потому что, если вы писатель, вам следует быть наблюдательным. Если кто-нибудь спросит, я скажу, что делаю мысленные заметки для персонажа в своей книге, и именно *поэтому* я так пристально смотрю на его бедра.

Я замечаю, что Кирк, похоже, очень увлечен одной из новоприбывших, и быстро поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее. Она тоже довольно привлекательна, с рыжевато-каштановыми волосами, белыми зубами и удивительно загорелыми руками. Второй парень невероятно накачан, с гигантскими бицепсами – на самом деле вся наша группа внезапно стала в среднем процентов на пятьдесят красивее. Что, воз-

можно, о чем-то говорит, если сравнивать боевые искусства с писательством.

Настроение в комнате поднялось, и мы с восхищением наблюдаем, как новички подбирают себе имена. Девушка выбирает Лирику, супермускулистый парень – Черный Пояс, а темноволосый парень называет себя Голландцем.

– Так звали мою собаку в детстве, – говорит он, представившись, и я таю. У него приятный голос. Он глубокий и богатый, честный и амбициозный, но благородный и с чувством юмора, с намеком на прошлую печаль, но с лучами солнца будущего и редкой для остальных нитью интеллекта. Ладно-ладно, я знаю, что слышала, как он произнес всего восемь слов. Но этого достаточно. Я могу точно это сказать. Я чувствую. Я просто знаю, что у него большое сердце, ему присущи честность и честь. *Он* никогда бы не стал делать себе в Фотошопе глаза Брэда Питта.

Плюс у него в детстве была собака. Собака, собака! У меня почти кружится голова от надежды. Если он одинок... если только он одинок... и натурал... и одинок...

– В этом ретрите мы стараемся не раскрывать подробности нашей жизни, – говорит Фарида с нежной улыбкой, и Голландец прищелкивает языком.

– Верно. Вы говорили. Извините. Уже все испортил. Новая, ужасающая мысль приходит мне в голову. Если мы не рассказываем о себе, как я узнаю, одинок он или нет? Он должен быть одиноким! Он излучает вибрации одино-

чества. Опять же: если он не один, то где его партнер?

– Теперь, когда все представлены, – говорит Фарида, – мы можем продолжить нашу дискуссию. Может быть, Голландец, вы скажете нам, что для вас значит «история»?

По лицу Голландца пробегает тень, он кажется встревоженным.

– История, – вторит мужчина, явно пытаюсь выиграть время.

– История, – кивает Фарида. – Мы здесь, чтобы создать историю. Это наша задача в этом ретрите.

– Хм. Верно. История. – Голландец потирает затылок. – Хорошо, – наконец говорит он. – Видите ли. Я приехал сюда, чтобы учиться надрать задницу противнику. А не писать истории.

– Конечно, – тихо говорит Фарида. – Но постарайтесь.

– Я не писатель, – наконец говорит Голландец. – Я не умею рассказывать истории. Не то что вы. У меня нет ваших навыков или таланта. Хотя я хотел бы научиться. – Он оглядывается, мы встречаемся взглядами, и у меня сводит живот.

– Уверена, вы научитесь, – хрипло выпаливаю я, прежде чем успеваю остановиться.

Я тут же проклиная себя за то, что была слишком неосторожна и нетерпелива, но Голландец, кажется, обезоружен.

– Спасибо. – Он прищуривается, чтобы прочитать имя на моем бейдже. – Ария. Красивое имя. Спасибо.

Три

В перерыве мы слоняемся по двору со стаканами домашнего лимонада. Некоторое время я потягиваю свой напиток, а затем случайно ловлю взгляд Голландца.

Суперслучайно.

Типа, совсем не интересуюсь.

– Привет! – говорю я. – Как вам письменное упражнение?

Мы только что написали первые предложения книг и передали написанное Фариде. Мы собираемся обсудить их позже на этой неделе. Мое довольно драматично. Оно звучит так: *Эмили смотрела на любовь всей своей жизни, и с ее груди капала кровь.*

На самом деле я вполне довольна. Думаю, это довольно захватывающе. Почему с груди Эмили капает кровь? Любой читатель *умер бы* от желания узнать. (Впрочем, я и сама не уверена, что знаю ответ; надо поразмыслить, прежде чем мы перейдем к обсуждению.)

– Я завяз, – с сожалением говорит Голландец. – Не написал ни слова. Мой мозг... – Он ударяет себя кулаком по лбу. – Просто не в состоянии это сделать. Я никогда не был хорош в таких вещах. Дайте мне практическое задание. Или цифры. Я хорошо разбираюсь в цифрах. Но литература... – На его лице появляется страдальческое выражение.

– Ничего, – ободряюще говорю я. – Это придет.

– Хотя это интересно, – продолжает он, как будто решив быть позитивным. – Мне понравилось слушать, что пишут другие. Интересная публика. – Он разводит руки, словно желая охватить всех, кто бродит по двору. – Понимаете, это что-то другое. Иногда полезно выйти за пределы своей зоны комфорта. Попробовать что-нибудь новое.

– Этот дворик прекрасен, не правда ли? – слышу я за спиной голос Писца.

– О, он *потрясающий*, – отвечает Метафора так громко и решительно, как будто она – единственный человек, который может сказать, что потрясающе, а что нет, и никому другому лучше даже и не пытаться. – Древние потрескавшиеся камни, истертые тысячами шагов, – продолжает декламировать она. – Гулкий монастырь, полный истории. Вокруг – ароматы трав, смешивающиеся с каскадами цветочных запахов, в то время как ласточки мечутся по кобальтовому небу, кувыряясь и проносясь, как бесконечные стрелы... – мгновение она колеблется, – ртути.

– Точно, – говорит Писец после вежливой паузы. – Как раз то, что я собиралась сказать.

Я хочу обернуться и поймать взгляд Писца, но тут к нам подходит Черный Пояс.

– Привет, – приветствует он Голландца. – Здесь жарко. Он снял куртку, и я стараюсь не пялиться. Но *эти мышцы*... Никогда не видела никого подобного в реальной жизни.

ни. Больше всего он похож на не очень зеленого Халка¹⁵.

– Странно, да? – обращается он к Голландцу. – Все это безымянное дерьмо. Ты что-нибудь написал?

– Нет.

– Я тоже.

– А ты? – Он поворачивается к Лирике, которая подходит к нам со стаканом лимонада.

– Немного. – Она пожимает плечами. – На самом деле это не мое. Я думала, будет интереснее.

Я вдруг замечаю, что она смотрит на Голландца поверх своего бокала. На самом деле она не может отвести от него глаз. *О боже*. Внезапно до меня доходит ужасная правда: у меня есть соперница. Рыжая соперница с загорелыми руками и ногами постройнее моих.

Я с тревогой смотрю на нее, и Лирика в моих глазах становится еще красивее. Пушистые волосы идеально обрамляют лицо. Она очаровательно прикусывает губу. Она, наверное, выглядит невероятно сексуально, когда занимается кикбоксингом. Конечно, она им занимается.

– Тебе это нравится? – внезапно почти агрессивно спрашивает она Голландца, и он вздрагивает от ее тона.

– Не знаю. Может быть.

– А мне – нет, – категорично заявляет Черный Пояс. – Думаю, мы ошиблись. Может, сорвемся? – обращается он

---

¹⁵ Халк (настоящее имя – доктор Роберт Брюс Беннер) – супергерой комиксов издательства Marvel Comics.

к Голландцу. – Мы еще можем получить компенсацию.

Что?

Паника пронзает меня, но каким-то чудом я выдавливаю расслабленную улыбку. Самую расслабленную.

– Не уходите! – беззаботно говорю я, стараясь, чтобы мои слова были обращены ко всем, а не только к Голландцу. – Дайте себе еще один шанс. Приходите на следующее занятие, посмотрите, что будет дальше.

Фарида бьет в маленький гонг, который призывает нас вернуться в группу, и я вижу, что Голландец колеблется.

– Попробую еще одно занятие, – наконец говорит он остальным. – Пока не буду сваливать. У нас есть время до завтра, чтобы принять решение.

Черный Пояс закатывает глаза, но допивает лимонад и ставит стакан на ближайший столик.

– Как скажешь, – без энтузиазма отвечает Лирика. – Но мне кажется, это довольно дерьмово. Я думаю, нужно потребовать возврата денег. Мы могли бы прямо сейчас пойти в город и выпить. Немного повеселиться. А завтра утром – на самолет.

– Можешь не оставаться, – говорит Голландец, словно оправдываясь. – Но я хочу попробовать. Мне нравится слушать, даже если я не умею писать. Может быть, усвою несколько советов.

Он поворачивается и направляется к двери, ведущей в наш учебный зал. Лирика мгновение наблюдает за ним, щел-

кает языком как будто в отчаянии и вместе с Черным Поясом идет за ним следом.

Она идет *так близко* к нему.

Когда мы занимаем свои места, я украдкой бросаю на нее несколько взглядов, а она, совершенно точно, смотрит только на Голландца. Это так глупо. Так очевидно. Я имею в виду, это неуместно, если вам интересно мое мнение. Это *литературный ретрит*.

– А теперь пришло время для упражнения на импровизацию, о котором я упоминала ранее, – прерывает мои мысли голос Фарида. – Не бойтесь! Я знаю, что некоторые из вас застенчивы... – Она делает паузу, и по комнате разносится нервный смех. – Но сделайте все, что в ваших силах. Я хочу, чтобы вы импровизировали смятенного персонажа, думая о его антагонисте, его враге. Любой персонаж. Любая суматоха. Копайте глубже... Кирк! – Она улыбается, когда он вскакивает на ноги. – Давайте вы.

Кирк выходит на середину комнаты, выглядя в высшей степени уверенным, и переводит дыхание.

– С чего вообще начать? – настойчиво спрашивает он. – Вот я, изгнанный из Зоргона, хранящий тайну Третьей Скалы Фарры, но несправедливо высланный из Шестнадцати Планетарных Наций. И Эмрил, я ненавижу тебя, мерзкий монстр, ты всегда ненавидела меня, с тех пор как мы были детьми...

Пока Кирк продолжает свою тираду, я ловлю себя на том,

что снова смотрю на Лирику. Она до сих пор таращится на Голландца, приоткрыв рот. Ее заиклило. Это вредно для здоровья! Плюс ее пижама-курта сексуально сползла с одного плеча. Только не говорите мне, что это произошло случайно.

– ...Так что, Эмрил, императрица Севера, поверь мне. *Начинается*, – угрожающе заключает Кирк, и мы все аплодируем.

– Очень хорошо! – говорит Фарида. – Я действительно почувствовала ваш гнев, Кирк, вы молодец. Итак, кто следующий?

Ее лицо озаряется удивлением, когда Голландец поднимает руку.

– Голландец! – удивленно и радостно произносит она. – У вас есть персонаж, над которым вы хотите поработать?

– Да, – коротко отвечает Голландец. – Думаю, есть.

Мы все с любопытством наблюдаем, как он выходит в центр помещения и хмурит брови в глубокой задумчивости.

– Расскажите нам о своем вымышленном персонаже, – ободряюще говорит Фарида.

– Он взбешен, – говорит Голландец, и его голос разносится по всему помещению. – Кое-кто никак не оставит его в покое. И это становится... невыносимым.

– Хорошо! – говорит Фарида. – Что ж, Голландец, слово за вами.

Я заинтригована. Голландец переводит дыхание. И могу

сказать, все остальные – тоже. Это довольно впечатляет – менее чем за день перейти от нуля к импровизации перед классом.

– С меня *хватит*, – говорит Голландец, сердито глядя на воображаемого человека на стене. – С тобой *покончено*.

Наступает затаившая дыхание тишина – затем он моргает.

– Вот и все, – добавляет он Фариде.

Это вся его импровизация?

Я слышу чей-то смешок и прикусываю губу, чтобы сдержать хихиканье, но Фарида даже не моргает.

– Может быть, уточните? – предлагает она. – Превратите это очень мощное и убедительное вступление в нечто большее, чем короткий монолог?

– Попробую, – говорит Голландец. Он смотрит с сомнением, но снова поворачивается к стене. – Просто остановись. Я больше не могу этого выносить. Ты... – Кажется, он бесплодно ищет слова, выражение его лица становится все более и более раздраженным... пока внезапно он не наносит боковой удар. – Ты просто... – Он сердито рубит воздух рукой, тяжело дыша. – Ты знаешь? Ты просто... – Он снова тщетно подыскивает слова, затем в отчаянии подпрыгивает в воздух с яростным криком и с силой наносит удар ногой.

Мы все потрясенно вздыхаем, а Новичок тихо испуганно вскрикивает.

Когда Голландец приземляется, Черный Пояс ободряюще кричит:

– Потрясающе! Отличная техника, чувак.

– Спасибо, – слегка задыхаясь, отвечает Голландец.

– Голландец! – Фарида вскакивает со своего места и кладет руку мужчине на плечо, прежде чем он успевает продемонстрировать новые приемы.

– Голландец, это было очень убедительно. Однако это писательская группа. Не группа боевых искусств.

– Точно. – Голландец, кажется, приходит в себя. – Прошу прощения. Я забылся.

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – успокаивает его Фарида. – Вы нашли форму выражения, и это только начало. Очевидно, вы выразили очень сильные эмоции.

– Да, – после паузы признается Голландец. – Это было неприятно. Я это *почувствовал*. – Он ударяет себя в грудь. – Просто... не мог подобрать слов.

– Действительно. – Фарида кивает. – Это сложно – описать что-то в двух словах. Но, пожалуйста, больше никакого кикбоксинга, хотя я действительно аплодирую вашему яркому изображению антагонизма. Мы здесь для того, чтобы написать романтическое художественное произведение. – Она обращается к группе. – И чувство любви ближе к ненависти, чем любое другое...

– Романтическое произведение? – прерывает ее Черный Пояс, его лицо искажено ужасом. – *Романтическое*? Нам говорили «писательство». Нам ничего не говорили о романтике.

– Конечно, вам *не обязательно* писать романтическое произведение... – начинает Фарида, но Черный Пояс не обращает на нее никакого внимания.

– Я ухожу. Прощу прощения. – Он встает. – Это не мое. Блин.

– И не мое, – говорит Лирика, вставая и оглядываясь вокруг, как будто это все наша вина. – Это все очень странно, и я хочу вернуть деньги.

Она уходит? Да!!!

Ангелы в моей голове поют «Аллилуйя». Она уходит!

– Жаль, – говорю я самым сожалеющим тоном, на какой только способна.

– Ты идешь? – спрашивает Черный Пояс Голландца, и Лирика тоже выжидающе поворачивается к нему. Поющие ангелы в моей голове смолкают, горло сжимается от страха. Он не может уйти. Он не должен.

Не уходи, молча умоляю я его. *Пожалуйста, не уходи.*

Я чувствую, что весь ретрит будет разрушен, если он уйдет. Или даже вся моя жизнь. Что самое нелепое – я ведь едва успела с ним познакомиться. Но именно так я себя и чувствую.

– А я, пожалуй, останусь, – наконец говорит Голландец, и я выдыхаю, стараясь не выдать, какое облегчение испытываю.

Ужинаем мы за длинным деревянным столом в вымощен-

ном плиткой садике. Здесь полно массивных керамических горшков с агпантусами¹⁶, травами и колючими кактусами. На столе стоят огромные свечи и расписные глиняные тарелки, официанты наливают вино в невысокие приземистые бокалы. Очевидно, группа медитации ужинает в другом дворике. Наверное, чтобы мы не осквернили их медитацию.

Я сижу в самом конце стола, рядом с Метафорой и Писцом. Я попыталась сесть рядом с Голландцем, но его каким-то образом унесло на другой конец, что было ужасно досадно.

– Это место так вдохновляет, правда? – говорит Писец, чокаясь со мной бокалами. К вечеру мы все переоделись в льняные курты цвета индиго, и, должна сказать, она мне очень к лицу. – У меня мозг буквально *гудит* от идей для моей книги. А у вас как дела?

– Э-э... – Я делаю глоток вина, пытаюсь выиграть время. По правде говоря, я даже не думала о своей книге. Я одержима Голландцем.

Он такой красивый. Самокритичный, но в то же время уверенный в себе. И руки у него откуда надо. Несколько минут назад выяснилось, что массивная деревянная перечница не работает. Книголюб хотел сообщить об этом официанту, но Голландец сказал: «Позвольте, я попробую». Теперь он разобрал всю конструкцию на части и пристально изучает

---

¹⁶ Агапáнтус – род многолетних трав семейства Агапантовые. Название происходит от древнегреч. ἀγάπη – «любовь» и ἄνθος – «цветок».

механизм, игнорируя разговоры вокруг.

– За время перерыва я полностью переписала свою историю, – говорит Писец. – И это только первый день!

– Отлично! – Я аплодирую ей, внезапно чувствуя себя виноватой. Я совсем забросила Честера и Клару (я ее снова переименовала). Мне нужно сосредоточиться на своей задаче. Я здесь для того, чтобы написать книгу или найти мужчину?

Мужчину! – кричит мой мозг, прежде чем я успеваю его остановить, и я расплескиваю вино.

– Я во всем нахожу вдохновение, – величественно объявляет Метафора. – Посмотрите на эти тарелки. Посмотрите на небо. Взгляните на тени в саду.

Официант ставит перед каждым из нас по миске с фасолевой похлебкой, посыпанной зелеными травами, и Писец радостно произносит:

– Мм, вкуснятина.

– Мне нравится, как фасоль отдыхает в бульоне, – говорит Метафора, – Фасолинки выглядят такими довольными. Как будто они наконец нашли свой дом. *La casa*¹⁷. *Духовный покой*.

Что? Фасоль обрела духовный покой? Я ловлю взгляд Писца и подавляю смешок.

– Я должна это записать, – добавляет Метафора. – Я могу это использовать. – Она бросает на нас подозрительный взгляд, как будто мы собираемся перехватить ее идею.

---

¹⁷ La casa – дом (исп.).

– Хорошая идея, – вежливо говорит Писец.

На другом конце стола идет разговор о любви и отношениях, в котором я *предпочла бы* участвовать, но сейчас я могу только слушать.

– Эта история, с которой мы познакомились сегодня, – говорит Книголюб, макая хлеб в соус из артишоков. – Если она не о том, чтобы попробовать снова...

– Но они не пытаются пробовать снова, – перебивает Будущий Автор. – Вот и всё. *Finito*¹⁸.

– Я думаю, надо верить, что они помирятся, – застенчиво вмешивается Остин. – Разве любовь – это не прощение?

– Но всему есть предел. – Будущий Автор обращается к Голландцу. – А как насчет вас, Голландец? Вы умеете прощать? Верите во второй шанс?

Мое сердце подпрыгивает при звуке его имени, и я изо всех сил стараюсь расслышать его ответ сквозь бубнеж Метафоры, которая разглагольствует об итальянском пейзаже.

Голландец поднимает голову от перечницы и слегка пожимает плечами.

– Не знаю, как насчет прощения, но я стараюсь быть рациональным, – говорит он. – Я смотрю на доказательства. Вот слова, которые мне нравятся: «Когда факты меняются, я меняю свое мнение».

– Смотрите на доказательства! – Будущий Автор издает короткий смешок. – Как романтично!

---

¹⁸ Finito – «Все сделано» (*итал.*).

– Таков уж я... – Голландец замолкает, и его лицо внезапно озаряется, как будто он заметил кого-то знакомого. – Привет, красавица.

У меня перехватывает горло. Красавица? Кто красавица? Кто приехал? Его жена? Подружка-итальянка? Официантка, с которой он каким-то образом уже завязал отношения сегодня днем, без моего ведома?

Затем я вижу огромную белую собаку, которая пробирается по саду между здоровенными керамическими горшками. Голландец приглашающе протягивает руку, и собака направляется прямо к нему, как будто знает, что из всех нас Голландец – именно тот парень, которого нужно выбрать.

Писец что-то говорит мне, но я не слышу. Меня захватывает вид Голландца. Он разговаривает с собакой, уговаривает ее, гладит, улыбается ей, не обращая внимания на остальных. Когда я это вижу, я понимаю: ему не просто нравятся собаки, он любит собак. Когда собака игриво протягивает к нему лапу, Голландец запрокидывает голову и смеется так естественно и заразительно, что я чувствую, как сердце начинает биться чаще.

Теперь Метафора пытается привлечь мое внимание, но я глуха ко всем, кроме Голландца. И когда я смотрю на него... его сильные мускулистые руки... мерцающие отблески свечей на лице... легкую улыбку... Я как будто плыву. Сердце разрывается от надежды и восторга.

Как будто читая мои мысли, Голландец поднимает голову

и несколько секунд смотрит на меня. Он улыбается, как будто пытается что-то сказать, и я ловлю себя на том, что киваю и улыбаюсь в ответ, как будто понимаю, а сердце в груди бесшечно колотится.

Сейчас я чувствую себя лет на шестнадцать.

Нет. Моложе. Когда я впервые в жизни сокрушительно влюбилась? На тот самый возраст.

Тут подходит официант, чтобы забрать тарелку Голландца, мужчина отводит взгляд, и момент упущен. Я неохотно обращаю внимание на соседей и заставляю себя прислушаться к тому, что Метафора рассказывает о каком-то лауреате Букеровской премии¹⁹. Все это время меня одолевают мысли.

Что, если...? Я имею в виду, что, *если*...? Он привлекательный. Положительный. Чуткий. Мастер на все руки. И, боже мой, *он любит собак*.

---

¹⁹ Букеровская премия – одна из самых престижных наград в мире английской литературы. До 2013 года присуждалась автору, проживающему в одной из стран Содружества наций, Ирландии или Зимбабве, за роман, написанный на английском языке.

Четыре

На следующий вечер мое сердце бешено колотится и подпрыгивает. Я готовлюсь к ужину, смотрю на себя в крошечное треснутое зеркало в моей комнате (здесь все такое старое и живописное), не в состоянии думать ни о чем, кроме одного: каковы мои шансы?

Я немного жалею, что не выгляжу чуть более по-итальянски. У всего итальянского персонала ретрита такие блестящие темные волосы и гладкая оливковая кожа, в то время как моя кожа на солнце покрывается веснушками. У меня – то, что называют «изящными чертами лица», что может показаться преимуществом, пока вы не увидите соблазнительную девятнадцатилетнюю девушку с коротко подстриженными волосами, курносый носом и округлыми плечами с ямочками...

Нет. Прекрати. Я нетерпеливо встряхиваю головой, чтобы прояснить мысли. Нелл сказала бы, что я веду себя как идиотка. Она бы не тратила на это время. При мысли о Нелл я автоматически вспоминаю о Гарольде – и прежде чем я могу остановить себя, открываю на своем компьютере папку «Гарольд».

Просмотр его фотографий немного успокаивает сердце. Гарольд. Любимый Гарольд. Просто глядя на его выразительную, умную морду, я улыбаюсь, но даже видео, на кото-

ром он пытается залезть в корзину для белья, не может решить мои проблемы. Закрыв папку, я продолжаю нервничать и испытывать неуверенность. Такой уж выдался день.

Утреннее занятие прошло как в тумане. В то время как все остальные участники обсуждали свои цели и старательно делали заметки о повседневных делах, я сосредоточилась на Голландце. Когда я вошла, он уже сидел между Писцом и Книголюбом (черт возьми), но я воспользовалась возможностью и села напротив него.

Наши глаза несколько раз встретились. Он улыбнулся. Я улыбнулась в ответ. Когда Фарида заговорила о противостоянии в художественной литературе, я послала ему шутливый жест, имитируя боевой прием, и он рассмеялся. Типа того.

Когда мы отправились на обед, я ощущала стопроцентную надежду. У меня был план: сесть рядом с ним, использовать все свои кокетливые уловки, а если они не подействуют, спросить напрямую: «Как ты относишься к отпускным романам?» (Если вопрос его потрясет, я смогу притвориться, что это сюжет моего следующего романа.)

Но он так и не появился. Он *так и не появился!*

Как можно не прийти на обед? Обед входит в ретрит. Это бесплатно. И вкусно. Я ничего не понимала.

Потом стало еще хуже: он не пришел на дневное занятие йогой. Фарида даже подошла ко мне и спросила: «Не знаете, где Голландец?»

(Примечание: она спросила *меня*. Это говорит о том, что

люди заметили, что между нами есть связь. Хотя какая польза от связи, если его здесь нет?)

На этом этапе я сдалась. Я подумала: «Он ушел. Его это не интересует. Ни писательство, ни я». Затем я горько прокляла себя за то, что отвлеклась этим утром, потому что, в конце концов, этот курс совсем недешевый. Я решила переориентироваться, забыть о любви и заняться тем, ради чего пришла: *писать*. Не думать об отпускных романах. *Писать*.

Я села на кровать и некоторое время просматривала распечатку своей рукописи, размышляя, должен ли Честер слезть с повозки с сеном или, может быть, повозка с сеном должна загореться. Потом я подумала: а что, если Клара спряталась на телеге с сеном и теперь сгорит заживо? Но тогда это была бы такая короткая, грустная книга...

И тут произошло чудо. Из окна спальни, выходящего в один из закрытых двориков, донесся голос. Это Книголюб воскликнул: «О, Голландец! А мы думали, вы уехали».

Затем я услышала, как мужчина ответил: «Нет, я просто уходил после полудня. Как прошла йога?»

Затем последовал какой-то разговор, который я не слышала как следует, и Книголюб сказал «Увидимся за ужином», Голландец ответил «Конечно», и мое сердце забилося, а рукопись соскользнула на пол.

И теперь надежда неудержимо танцует вокруг меня. Я закрываю ноутбук, в последний раз брызгаюсь духами, натягиваю куртку цвета индиго и направляюсь по освещенным све-

чами коридорам и внутренним дворикам в мощный сад, где подают ужин. Я уже вижу Голландца – и пустой стул рядом с ним. Я займу это место.

Ускорив шаг, я подхожу к нему как раз перед Остин и как клещ вцепляюсь в стул.

– Сяду-ка я здесь, – говорю я самым беспечным тоном, на какой только способна, и быстро сажусь, прежде чем кто-нибудь успевает что-нибудь сказать. Делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, и поворачиваюсь к Голландцу.

– Привет, – улыбаюсь я.

– Привет! – Он улыбается в ответ, и все внутри меня сжимается от желания.

Его голос что-то делает со мной. Вызывает реакцию во всем теле. И дело не только в голосе – все его присутствие заводит меня. Его глаза выглядят так, как будто он уже знает, чего я хочу. Язык его тела очень выразителен. Улыбка неотразима. Когда Голландец тянется за салфеткой, его обнаженное предплечье касается моего, и я чувствую мурашки по всему телу. Нет, больше, чем мурашки. Страстное желание.

– Прошу прощения, – бормочу я, наклоняясь под предлогом налить воды – и впервые вдыхаю его запах. О *боже*. Да. Еще! Какая бы это ни была смесь гормонов, пота, мыла и одеколона... она действует.

Официант налил нам вина, и Голландец поднимает бокал, чтобы произнести тост за меня, а затем наконец-то разворачивается ко мне. Мужчина смотрит внимательно и сосредото-

точно, как будто остальная часть стола исчезла и остались только мы вдвоем.

– Итак, – говорит он. – Нам нельзя вести светскую беседу.

– Нет.

– Я не могу спрашивать вас ни о чем личном.

– Нет.

– Чем больше мне говорят, что мне нельзя что-то делать, тем больше я хочу это сделать.

Его темные глаза буквально прикованы к моим, и у меня перехватывает дыхание, потому что я внезапно представляю, что еще он мог бы захотеть сделать. И что еще я могла бы захотеть сделать.

Неторопливо, не отрывая взгляда, Голландец потягивает вино.

– Я хотел бы узнать о тебе больше. – Он наклоняется вперед и понижает голос до шепота: – Давай нарушим правила.

– Нарушим *правила*? – потрясенно повторяю я. Я чувствую себя так, словно нахожусь в романе девятнадцатого века, и джентльмен спрашивает, может ли он писать мне запретные письма.

Голландец смеется, похоже, его забавляет моя реакция.

– Хорошо, ты не хочешь нарушать правила. А как насчет того, чтобы задать друг другу всего один личный вопрос?

Я киваю.

– Хорошая идея. Ты первый.

– Хорошо. Вот мой вопрос. – Он делает паузу, водя паль-

цем по краю бокала с вином, затем поднимает взгляд. — У тебя кто-нибудь есть?

Во мне что-то вспыхивает. Что-то радостное, сильное и острое одновременно. Он заинтересован.

— Нет, — говорю я, едва справляясь с голосом. — У меня... Нет.

— Отлично. — Он с прищуром смотрит на меня. — Это... я рад это слышать. А теперь ты задай мне вопрос.

— Хорошо. — Мои губы растягиваются в улыбке, потому что сейчас мы играем в игру. — Дай подумать. У тебя кто-нибудь есть?

— Ох, нет. — В его ответе есть ударение, на которое я обратила бы внимание в нормальной беседе, но у меня нет больше возможности задавать ему вопросы.

— Итак, теперь мы знаем всё, — говорю я, и Голландец смеется.

— На данный момент всё. Может, будем задавать друг другу по одному вопросу каждый вечер? Это будет наш десерт.

— Звучит неплохо.

Нас прерывают, когда подходит официант, который принес тарелки с пастой, и я пользуюсь возможностью снова украдкой взглянуть на Голландца, на его волевою челюсть, темные ресницы и крошечные милые «гусиные лапки» вокруг глаз, которых я раньше не замечала. Я понимаю, что понятия не имею, сколько ему лет. Я могла бы спросить его завтра вечером. Это может быть мой вопрос.

Но какая мне разница, сколько ему лет? Нет, нет! Никакой!

Я внезапно чувствую радостное возбуждение. Я чувствую себя свободной! Меня не волнуют факты, детали или то, что может содержаться в его профайле на Match.com²⁰. Он здесь, и я здесь, и это все, что имеет значение.

– Подожди, у меня есть еще вопрос, – говорю я, когда Голландец заканчивает передавать оливковое масло. – Я *думаю*, это разрешено... Где ты был сегодня днем? – Я бросаю на него насмешливо-укоризненный взгляд. – Ты пропустил йогу!

– Ох. Так и есть. – Он с довольным видом берет вилку макарон. – Честно говоря, я не фанат йоги. Мне больше по душе...

– Стоп! – Я поднимаю руку. – Не говори! Слишком много личной информации!

– Блин! – восклицает мужчина, впервые выглядя по-настоящему расстроенным. – Как нам вообще разговаривать?

– Мы не должны разговаривать, – замечаю я. – Мы должны писать.

– А, – он кивает. – Touché²¹.

– Или, в твоём случае, надрать кому-нибудь задницу, – добавляю я, и Голландец смеется.

---

²⁰ Math.com – сайт службы знакомств, работающей более чем в пятидесяти странах на двенадцати языках.

²¹ Touché – «задела» (франц.).

– И снова touché.

Я набиваю рот *orecchiette*, это местная паста. Он подает-ся с зеленью и розмарином и имеет превосходный вкус. Но если вчера вечером я просто радовалась хорошей еде, то сегодня не могу перестать наслаждаться этой восхитительной, дразнящей беседой. Или не-беседой.

Мужчина некоторое время молча жует пасту, а затем говорит:

– На самом деле я взял напрокат машину и поехал немного исследовать побережье. Там есть несколько бухточек... Милые деревушки... Было весело. – Он проглатывает кусок, поворачивается ко мне и беззаботно добавляет: – Я думал поехать и завтра. Поедешь со мной?

На следующий день мы едем вдоль побережья, и у меня кружится голова. Как может жизнь так потрясаяще все расставить по местам? Как так вышло, что меня везут под палящим солнцем великолепными итальянскими пейзажами, играет радио, а рядом сидит самый совершенный в мире парень?

Я пытаюсь проявить разумный интерес к окружающей прекрасной, суровой природе, но мое внимание постоянно возвращается к Голландцу. Потому что он нравится мне все больше и больше.

Он уверенно ведет машину. Не боится заблудиться. Пять минут назад он спросил у старика дорогу на ужасной сме-

си английского и скверного итальянского. Но его улыбка была такой очаровательной, что старик в конце концов вызвал из дома говорящую по-английски женщину, которая нарисовала нам карту. И вот мы здесь, на крошечной автостоянке на вершине утеса, откуда не видно ничего, кроме оливковых рощ, скал и бесконечного синего Средиземного моря.

– Как называется это место? – спрашиваю я, чтобы хоть что-то спросить. (Мне все равно, как оно называется.)

– Понятия не имею, – весело отвечает Голландец. – Но женщина поняла, что я имел в виду. Я был здесь вчера. Здесь здорово.

– Я собиралась выучить итальянский, прежде чем ехать, – с сожалением говорю я. – Но на все не хватает времени... Ты говоришь на других языках?

– Я стараюсь, – говорит мужчина. – Но они не запоминаются.

Он говорит так непримиримо, что я не могу сдержать улыбки. Многие люди в этот момент начали бы нести какую-нибудь чушь, но только не он.

Я иду за ним следом по каменистой тропинке к небольшой скалистой бухте с галечным пляжем и самой чистой аквамариновой водой, которую я когда-либо видела. Здесь нет ни шезлонгов, ни пляжного бара; это не такое место. Посетители пляжа – в основном сидящие на полотенцах пожилые итальянки в шарфах, защищающих волосы, и компании орущих подростков.

По обе стороны бухты – скалистые утесы, и на каждом – подростки, которые лазают, загорают, курят и пьют пиво. Пока я осматриваюсь, девушка в красном бикини прыгает в море со скалистого выступа и летит, визжа и размахивая руками. Мгновение спустя за ней следует мальчишка-подросток, который прыгает, болтая в воздухе ногами, и входит в воду с громким всплеском.

Они коротко борются в воде, затем он с торжествующим воплем поднимает над водой ее бикини, а девушка истерически смеется. Аудитория подростков на скалах раздражается радостными возгласами, и Голландец бросает на меня настороженный взгляд.

– Вчера все было не так дико, – говорит он. – Мы можем поискать место потише.

– Нет, мне нравится, – улыбаюсь я. – Такое ощущение... ну, ты понимаешь. Ощущение реальности. Вау, – добавляю я, наблюдая, как другая девушка прыгает с каменного уступа. – Это высоко.

– Это здорово.

– Ты *прыгал*?

– Конечно. – Он смеется над выражением моего лица. – Я имею в виду, это безопасно. Там глубоко. Хочешь попробовать?

– Э-э... конечно! – говорю я, прежде чем успеваю подумать, хорошая ли это идея. – Почему бы и нет?

Мы находим свободное место на галечном пляже, и я сни-

маю свободное платье, стягивая при этом живот. Хотя я стараюсь не смотреть в его сторону, я чувствую, как Голландец разглядывает меня в купальнике. Он черный, с глубоким вырезом, и я знаю, что это сексуальный фасон, потому что Рассел говорил, что он «радует глаз»...

Нет. Я резко обрываю собственные мысли. Я *не вспоминаю* о Расселе. С чего бы мне сейчас вспоминать несносного бывшего парня?

Я складываю платье, скромно отводя взгляд от раздевающегося Голландца, но также умудряюсь украдкой поглядывать на него. У него темно-синие плавки, и он явно посещает тренажерный зал. Мускулистые бедра и волосатая грудь. Мне нравится волосатая грудь.

Я чувствую струйку пота на лбу и вытираю ее. Здесь еще жарче, чем на утесе, и плеск волн невероятно манит.

– Жарко, – говорю я, и Голландец кивает.

– Окунемся. Хочешь?.. – Он указывает на прыгунов, и у меня начинается крутить желудок. Я была бы вполне счастлива просто поплавать. Но я этого не признаю, поэтому говорю:

– Конечно!

И мужчина улыбается.

– Круто. Идем.

Он ведет меня по извилистой тропинке, петляющей по склону утеса. Мы карабкаемся по скалам, мимо пещер, пару раз останавливаемся, чтобы пропустить пробегающие мимо нас шумные группы подростков. Когда мы наконец выбира-

емся на скалистый выступ и смотрим на белую воду внизу, я одновременно испытываю восторг и ужас.

– Готова? – Голландец жестом указывает на край, и я нервно хихикаю. Позади нас стоит парень лет двадцати, не скрывающий своего нетерпения, и я отступаю в сторону. Мы смотрим, как он берет хороший разбег, затем прыгает со скалы и падает в плещущую внизу голубизну.

– Лететь далеко, – говорю я, стараясь, чтобы голос был непринужденным, а не свидетельствовал о моем ужасе.

– Поэтому и забавно, – с жаром говорит Голландец.

– Точно! – Я несколько раз киваю, а затем небрежно добавляю: – Я имею в виду, что есть грань между «забавным» и «ужасным».

Мужчина смеется.

– Ага. – Тут выражение его лица внезапно становится озабоченным. – погоди. Мы перешли эту черту ради тебя? Прости. Это я тебя сюда затащил. Я не знаю, где твои пределы.

Я буквально слышу, как он внезапно задумывается: «Я ее совсем не знаю; почему я заставляю ее прыгать со скалы?»

– Хочешь спуститься пониже? – добавляет он, отступая в сторону, чтобы дать спрыгнуть группе из трех подростков. – Можем спуститься.

На мгновение я испытываю искушение. Но потом вспоминаю, что он сказал на днях: *иногда полезно выйти за пределы зоны комфорта.*

– Не знаю, – говорю я, глядя на сверкающее море и чув-

ствуя укол разочарования в себе. – Не хочу. Мне кажется, я начинаю понимать, где мои пределы.

– Хорошо, – осторожно говорит Голландец. – Ну и где они?

– Я хочу это сделать, – говорю я, пытаюсь убедить не только его, но и себя. – Это просто... сколько это футов?

– Не зацкливайся на таких мыслях, – успокаивающе говорит Голландец. – Просто подумай о волнении. И об удовольствии.

– Угу, – киваю я. Его слова помогают. Хотя к краю я так и недвигаюсь.

– Однажды я увидел на детской площадке двух ребятшек, – продолжает мужчина. – Один настраивал себя на то, чтобы залезть на брусья, а его приятель пытался ему помочь. Он сказал: «Учишься на страхе». Я никогда этого не забуду.

– Учишься на страхе, – медленно повторяю я. – Мне нравится. Так чему же учишься, прыгая в море?

– Ты узнаешь, что можешь это сделать. – Он улыбается широкой, заразительной улыбкой. – Прыгнем вместе?

– Хорошо, – киваю я. – Идем. Давай сделаем это.

Я могу умереть, спокойно думаю я, когда мы делаем шаг вперед. Это возможно. Есть и положительная сторона: это хороший способ умереть. *Девушка погибает, прыгая в море с красивым парнем*. Прекрасно.

Голландец берет меня за руку, и я собираюсь сказать: «Нет, я передумала!» – но почему-то мои губы не двигают-

ся. *На самом деле я не собираюсь этого делать*, неистово думаю я, когда он крепче стискивает мою руку. Конечно. Я не собираюсь...

– Раз, два, три...

И мы прыгаем.

Я падаю, и у меня вышибает дух. Я не знаю, что должна чувствовать. Я ничего не чувствую. Мой мозг опустошен. Сейчас единственная в моей жизни сила – это гравитация. Я смотрю на улыбающееся, ободряющее лицо Голландца, чувствую, как он на мгновение сжимает мою руку, а затем отпускает, когда мы окунаемся в море.

Вода обрушивается на мое тело с неожиданно сокрушающей силой. Ноги подгибаются, и я погружаюсь в холодное море, не в силах остановиться. Глубже... еще глубже. Мне нужно всплывать. Почему я не всплываю? Мне не хватит объема легких... Я *умираю*, я так и знала... Подождите, я всплываю...

И вдруг я вынырнула, отфыркиваясь, задыхаясь и выплевывая соленую воду. Волосы облепили лицо, купальник застрял на полпути к заднице, и мое сердце почти взрывается от триумфа. В груди пульсирует, кровь горит, рот безудержно расплывается в улыбке... Это было *потрясающе*!

Голландец примерно в десяти футах от меня, уже плывет ко мне с восторженным выражением лица.

– Ты это сделала! – Он дает мне пять, и я издаю восторженный вопль. – Здорово, правда?

– Да! Невероятно!

Неподалеку еще один подросток прыгает в море, и нас окатывают волны. Это довольно непросто – плыть в такой воде. Но я не признаюсь в этом, потому что мне нравится думать, что я в хорошей форме.

– Хочу признаться, – говорю я, перекрывая плеск и возторженные крики. – Я чертовски испугалась.

– Ты шутишь, – поддразнивает Голландец.

– Я старалась это скрыть, – с притворным негодованием замечаю я, и он смеется.

– У тебя не было шансов. Ты в порядке? – добавляет он, когда волна бьет мне в лицо.

– Да, – говорю я, слегка запинаясь. – Спасибо.

Очередная волна сталкивает нас вместе, и внезапно наши тела соприкасаются. Под водой мои ноги касаются его ног в такт качающимся волнам. Инстинктивно Голландец хватается за талию, но тут же отпускает. Он кажется обеспокоенным и говорит:

– Извини. Я не хотел...

– Ничего.

– Это не было... – Он осекается.

– Нет, – говорю я, слегка задыхаясь. – Я знаю.

– Не то чтобы я не... – Он замолкает, и на его лице мелькает непонятное выражение.

Мгновение мы, тяжело дыша, смотрим друг на друга. Волосы облепили головы, руки инстинктивно размеренно дви-

гаются в воде.

– Ну что, – говорит наконец Голландец, пытаясь сменить тему. – Хочешь попробовать еще раз?

– Конечно! – отвечаю я, хотя не могу сосредоточиться должным образом, потому что, это было?.. Мы почти?..

Он плывет к вмурованной в скалу металлической лестнице, и я следую за ним. В голове у меня полный сумбур. Я взбираюсь по ступенькам, а затем мы оба начинаем подниматься по тропинке к выступу. Это узкая дорожка, и когда мы огибаем тесные повороты, его влажная кожа касается моей. Только что мы были в тени, а в следующую минуту на нас яростно обрушивается солнце. Никто из нас не произносит ни слова, хотя мы оба тяжело дышим. Это из-за жары или подъема, или потому, что?..

О боже. Я этого не вынесу. Нужно подтолкнуть события. Когда мы выходим на широкий, залитый солнцем участок скалы, я останавливаюсь. Голландец поворачивается и вопросительно останавливается, щуря глаза от солнца. Мое сердце колотится, но какого черта? Я прыгнула со скалы, я могу это сделать.

– Мне можно задать один личный вопрос, верно? – прямо говорю я.

– О, – он, кажется, опешил. – Прямо сейчас?

– Да, сейчас.

– Прекрасно. Давай. Что ты хочешь знать?

– Хорошо. Только что, в море, мне показалось, что... – Я

замолкаю. — Мне показалось, что мы могли бы... Но... — Я снова останавливаю себя. — Короче. Вот в чем мой вопрос.

Мужчина выглядит озадаченным.

— Какой именно у тебя вопрос? — спрашивает он через мгновение. — Ничего из того, что ты сказала, не является вопросом.

О, точно. В его словах есть смысл.

— Мой вопрос вот в чем. Только что в воде я почувствовала, что мы, возможно, движемся в определенном... *направлении*. — Я заставляю себя посмотреть ему прямо в глаза. — И меня интересует... в каком?

В его темных глазах появляется ответный блеск, и у меня сводит живот. Это его ответ. Вот он. Это выражение. И медленно расплзающаяся по лицу улыбка.

— Пожалуй, я не знаю, как ответить, — после паузы говорит Голландец. — У меня нет таких слов, как у вас, писателей.

Он делает шаг мне навстречу и откровенно пробегает взглядом по купальнику. (Ладно, не только по купальнику.) Я тоже делаю к нему шаг, так что мы оказываемся всего в нескольких дюймах друг от друга, и запрокидываю лицо.

— Ты же знаешь, как нас учат, — тихо говорю я. — Покажи, а не Расскажи.

Я не знаю, чего я жду. Может быть, целомудренного, романтического поцелуя. Как у Честера и Клары перед тем, как он сел в фургон с сеном. Но как только губы Голландца встречаются с моими, все мысли о целомудрии улетучива-

ются. Я не хочу быть целомудренной, я хочу его. Эти губы. Это ощущение слегка шершавой щетины на моей коже. Всего его. Прямо сейчас.

Он умело и сосредоточенно углубляет поцелуй, его руки ложатся на бретельки моего купальника, как будто он собирается их сдернуть. На вкус он соленый и очень мужественный. Как-то так вышло, что наши тела соприкоснулись, влажная кожа прижалась к влажной коже, а солнце поливает лучами головы и спины. Он уже твердеет, я уже таю... Если бы мы не были на публике...

Я слышу, как кто-то смеется поблизости – над нами? Но я слишком потерялась в ощущениях, чтобы пошевелить головой. Всё в порядке. Нам можно целоваться на публике. Это Италия, родина страсти. Они *изобрели* секс. И я не могу остановиться. Моя жажда безгранична.

– Ciao, bella!²² – Пронзительный свист заставляет меня подпрыгнуть, и я оглядываюсь. Это подростки примерно в пяти футах от нас собрались и таращатся. Черт. Они смеются *над нами*. И теперь они улюлюкают. Нужно остановиться. Возможно, мы на самом деле нарушаем закон или что-то в этом роде.

Неимоверным усилием я отрываюсь от Голландца и, тяжело дыша, смотрю на него. Я не уверена, что могу говорить, да и он тоже кажется потрясенным.

Подростки продолжают вопить, и я стараюсь не обращать

---

²² Ciao, bella! – «Привет, красавица!» (*итал.*)

на них внимания. Вероятно, нам не следовало проводить первое сексуальное свидание в общественном месте с насмешливой аудиторией. Но все мы крепки задним умом.

– Итак, – наконец выдавливаю я.

– Угу. – Голландец снова улыбается.

Я знаю, что у меня должны найтись слова, но сейчас я даже не в состоянии построить предложение. Я все еще слишком потрясена.

– Мне тоже разрешен личный вопрос. – Низкий голос мужчины застает меня врасплох. – Верно?

Его рука блуждает по шву моего купальника, в то время как другая рука ласкает ухо. Его прикосновения одновременно нежные и решительные. Он *знает, что делает*, приходит мне в голову, и мгновение я упиваюсь этой восхитительной мыслью. Затем я понимаю, что он ждет ответа.

– Э-э-э, да, – я прихожу в себя. – Думаю, да.

О чем он хочет спросить?

Я жду, когда Голландец заговорит, но он все молчит, и его глаза блестят, словно он захвачен какими-то тайными мыслями.

– Хорошо, – говорит он и нежно касается моего носа. – Пожалуй, я приберегу его на потом.

В тот день я чувствую себя так, словно выпустила на волю джинна бесстрашия. Мы прыгаем снова и снова, кричим и машем друг другу в воздухе. Мы плещемся, плаваем и целу-

емся на солнце, наши губы соленые от морской воды. Затем, устав, уходим с пляжа в тень ближайшей оливы и расстилаем на земле полотенца. Солнце танцует в ветвях, и я закрываю глаза, наслаждаясь ощущением лучей на лице.

– Я думаю, итальянское солнце другое, – говорю я мечтательно. – В Англии нас обманывают. Хранят хорошее солнце в шкафу, потому что думают, что мы испортимся, если будем получать его слишком много. Иногда они выпускают его, но только на денек. И всегда в тот день, когда мы этого ожидаем.

Голландец смеется.

– Неудивительно, что британцы одержимы погодой.

Пока мы разговариваем, он лениво строит башню из разбросанной вокруг крупной гладкой гальки. Я наблюдаю за тем, как он кладет сверху большой, довольно внушительный камень, и все сооружение рушится. Он смеется и начинает сначала. Когда он делает паузу, я добавляю в стопку собственный камешек, и он с усмешкой смотрит на меня.

– Как считаешь, сколько мы сможем собрать? Я думаю, восемь.

– Я думаю, десять, – тут же возражаю я, потянувшись за другим камешком.

Некоторое время мы молчим, сосредоточившись на задаче. И вот, наконец, у нас есть шатающаяся груда из десяти камней. Голландец протягивает руку, чтобы дать мне пять, но я импульсивно качаю головой.

– Еще один! Давай сделаем одиннадцать.

– Одиннадцать! – Голландец насмешливо вскидывает брови. – Мне нравится твой настрой. Продолжай.

Потянувшись за следующим камешком, я вдруг чувствую, что начинаю нелепо нервничать. Я знаю, что это всего лишь игра, но мы вместе сложили эту кучу камней, и я действительно не хочу разрушать ее. Могла бы на десяти и остановиться. На самом деле я даже не знаю, зачем мне вообще понадобилось добавлять еще один камешек. Наверное, это тот самый голос внутри меня, который постоянно спрашивает: «Что *еще* можно сделать?»

Я осторожно кладу сверху новый камешек, убираю руку – и он остается на месте!

– Получилось! – Мужчина снова поднимает руку, на этот раз я принимаю его «пять» и чувствую абсурдный восторг от нашего совместного достижения. – Это возвращает меня в детство, – лениво говорит Голландец, снова укладываясь на полотенце. – Люблю архитектуру и дизайн. Думаю, все началось со строительства песчаных замков на пляже.

– Мне нравилось строить песчаные замки на пляже! – нетерпеливо говорю я. – И я тоже люблю дизайн. Я коллекционирую интересную мебель. Это, типа, мое хобби.

– Мебель? – Голландец с интересом поднимает голову. – Какую? Потому что я...

– Подожди! – Я прерываю его внезапным испуганным вздохом. – Прости! Я не должна была этого говорить. Мы не

должны раскрывать свои увлечения.

– Слишком поздно, – хихикает он.

Я также понимаю, что только что намекнула, что живу в Англии. Честно говоря, я в этом *полный профан*.

– Кстати, я не обязательно из Англии, – быстро говорю я. – Я могла и блефовать. Может быть, у меня даже нет постоянного места жительства.

– Ария. – Голландец недоверчиво качает головой. – Нам так нужно придерживаться правил?

– Да! Давай хотя бы попытаемся. Только по одному личному вопросу. А ты свой так и не задал. У меня идея, – добавляю я в порыве внезапного вдохновения. – Давай поговорим о будущем. Когда тебе будет девяносто, что ты будешь делать? Расскажи.

– Хорошо, – кивает Голландец и на мгновение задумывается. – Я буду вспоминать прожитую жизнь. Надеюсь, я буду доволен. Буду сидеть где-нибудь на солнышке. На *хорошем* солнышке, – с быстрой усмешкой уточняет он. – И рядом будут друзья, старые и новые.

Он говорит так искренне, что я чувствую, как у меня сжимается сердце. Он мог бы так много сказать. Например: «Я буду на своей яхте со своей пятой женой». Так сказал бы Рассел. На самом деле, теперь я припоминаю, именно *так* Рассел и сказал.

– Звучит идеально, – искренне говорю я. – И... то же самое. Доброе солнышко, друзья. Плюс я буду есть мороженое.

– О, я тоже буду мороженое, – тут же подхватывает Голландец. – Конечно. Единственная причина, по которой я поехал в отпуск в Италию, – это мороженое.

– С каким вкусом? – требовательно спрашиваю я.

– Это завтрашний личный вопрос? – возражает Голландец, и я смеюсь.

– Нет! Я не собираюсь тратить на это личный вопрос. Забудь. Не хочу знать.

– Позор, – он щурится, глядя на меня. – Ты никогда не узнаешь, как сильно я люблю ноччолу²³.

– Позор, – киваю я. – И ты никогда не узнаешь, как сильно я люблю страччателлу²⁴.

Я тоже ложусь на полотенце, и рука мужчины лениво тянется к моей. Наши пальцы переплетаются, я чувствую, как он большим пальцем обводит мою ладонь, а затем тянет меня к своему полотенцу и находит губами мои губы.

– Ты вкуснее ноччолы, – шепчет он мне на ухо.

– На самом деле ты так не думаешь, – бормочу я в ответ, и Голландец, кажется, задумывается.

– Ладно, мой косяк, – соглашается он. – Ты – как мороженое «ноччола». И лучше фруктового мороженого из манго.

– Я победила манговое мороженое? – Я распахиваю глаза

---

²³ Ноччола (Nocciola) – мороженое со вкусом фундука. Популярный десерт у неаполитанцев.

²⁴ Страччателла (Stracciatella) – итальянское мороженое с маленькими кусочками шоколада, известно далеко за пределами Италии.

в притворном изумлении. — Ух ты. Даже не знаю, что сказать. Никогда не забуду этот комплимент.

Конечно, я шучу... Но в то же время я говорю правду. Никогда не забуду этот очаровательный, пьянящий, залитый солнцем день.

Когда день переходит в ранний вечер, мы наконец начинаем шевелиться. Целый день мы лежали, целовались, дремали и лениво болтали. Когда я встаю, то понимаю, что мои конечности затекли, а на ногах остались отпечатки веток, но не могу удержаться от мечтательной улыбки.

Мы собираем вещи и направляемся обратно к машине, по дороге проходим мимо подростков, играющих в футбол на участке поросшей кустарником земли. Мяч внезапно летит в нашу сторону, задевая мужчину по голове. Он с улыбкой ловит его и возвращает в игру.

— Синьор! — Один из подростков зовет его присоединиться. Голландец на миг замирает, а затем говорит мне: «Две минуты».

Присоединившись к игре, он мгновенно полностью погружается в нее, и я наблюдаю, очарованная тем, что вижу его в другой обстановке.

Кажется, он понимает, что кричат подростки, хотя они говорят по-итальянски. (Наверное, все они общаются на международном «футбольном» языке.) Когда один из игроков жестко врывается в него, Голландец отмахивается от извинений легким кивком. Я замечаю, что у него есть природный

авторитет. Дети подчиняются ему, даже когда бросают вызов. Это – еще один ключик к разгадке того, каков он. Еще одно озарение.

В этот момент Голландец смотрит на меня и говорит: «Мне пора, ребята, спасибо за игру».

Подростки начинают уговаривать его остаться (даже я могу это перевести), но мужчина вскидывает руку, улыбается на прощание и присоединяется ко мне.

– Хорошая игра! – говорю я, и он смеется, берет меня за руку, и мы направляемся к машине.

Мы отъезжаем, вечернее солнце светит в ветровое стекло, и я оглядываюсь назад, стремясь запечатлеть это драгоценное место в памяти, пока мы не сворачиваем и не выезжаем на главную дорогу.

– Жаль, что мы не захватили с собой башню из гальки, – с тоской говорю я, и Голландец снова смеется.

– Я серьезно! – говорю я. – Это было бы потрясающим завершением праздника.

– Ты бы тащила эти одиннадцать тяжелых камней в машину?

– Да.

– И всю дорогу домой на самолете?

– Конечно!

– И как бы ты запомнила, в каком порядке они были сложены?

Я запинаясь, потому что не совсем продумала этот мо-

мент.

– У меня была бы система, – наконец с достоинством говорю я. – И потом, каждый раз, когда я смотрела бы дома на эти камешки, я бы вспоминала...

Я резко замолкаю, потому что, если я не буду осторожна, я могу сказать слишком много. Открою сердце слишком широко и спугну его.

Я бы вспоминала самого удивительного мужчину, которого когда-либо встречала.

Я бы вспоминала самый прекрасный день в своей жизни.

Я бы вспоминала рай.

– Это было бы здорово, – говорю я наконец более беззаботным тоном. – Вот и всё.

Когда мы возвращаемся в город, у меня еще кружится голова, как будто во сне. Сон с голубым небом, похожий на фильм, пронизанный адреналином, желанием и солнечным светом. Я развалилась на горячем пластиковом сиденье машины, потягивая ледяную оранжину²⁵, которую мы купили по дороге. Волосы растрепались, кожа соленая, и я до сих пор чувствую на своих губах губы Голландца.

Я знаю, что в монастыре нас ждет вкусный бесплатный ужин, но когда мужчина предлагает: «Может, возьмем пиццу?» – я киваю. Не хочу ни с кем его делить. Не хочу ничего

---

²⁵ Оранжина – газированный напиток с цитрусовым вкусом и ароматом, изготовляемый с использованием апельсинового, лимонного и мандаринового соков, апельсиновой цедры и мякоти.

объяснять или вести светскую беседу. Фарида права, это отвлекает от главного события, которым сейчас является Голландец.

Он паркует машину в пустынном квартале города с тенистыми площадями и полупустыми улицами, на которые выходят деревянные двери.

– Вчера нашел продавца пиццы, – объясняет он, ведя меня за собой. – Это не ресторан, это просто парень в палатке... Ничего?

– Отлично. Идеально! – Я сжимаю его руку, и мы сворачиваем в переулок поуже, еще менее освещенный.

Мы делаем несколько шагов по переулку. Может быть, десять. А потом, в одно мгновение, все меняется. Из ниоткуда на нашем пути появляются два подростка. Худые и загорелые, как парни, с которыми Голландец играл в футбол, но совсем не похожие на них. Эти – злобные, они наседают на Голландца и агрессивно говорят что-то по-итальянски. Они что, пьяны? Под кайфом? Что им *нужно*?

Я пытаюсь осознать то, что вижу, и моему мозгу требуется вечность, чтобы понять истину: это проблема. Реальная проблема. За три секунды мое сердце из спокойного становится перепуганным. Голландец пытается провести меня мимо парней, он пытается быть дружелюбным, но они не хотят... Они злятся... Почему? Я даже не могу... Что...

И вдруг – нет, нет, *пожалуйста*, Боже, нет – один из них полез в карман куртки, и я с замиранием сердца замечаю ме-

таллический блеск ножа.

Время остановилось. Нож. Нож. Нас зарежут, прямо здесь, прямо сейчас, в этом глухом переулке, а я даже пошевелиться не могу. Не могу издать ни единого звука. Застыла в полнейшем ужасе, как мумифицированное, окаменевшее существо из ледникового периода...

Подождите, что это? Что это такое? Что происходит?

На моих глазах Голландец выворачивает руку парню с ножом, выкручивает ее каким-то эффективным отработанным приемом и каким-то образом отбирает у него нож. Как он это сделал? Как?

Все время он кричит: «Беги, беги!» – и я вдруг понимаю, что он обращается ко мне. Он хочет, чтобы я убежала.

Но прежде чем я успеваю убежать, это делают подростки. Они убегают прочь, вверх по переулку, и сворачивают за угол.

Потрясенная, я прижимаюсь к Голландцу. Прошло всего около тридцати секунд с тех пор, как мы завернули за угол, но я чувствую себя так, будто мир остановился, а теперь снова сдвинулся с места.

Голландец очень тяжело дышит, но просто спрашивает:

– Ты в порядке? – А затем добавляет: – Надо вернуться к машине. У них могут появиться какие-нибудь глупые идеи насчет возвращения.

– Как... как ты это сделал? – лепечу я, когда мы идем по улице, и Голландец бросает на меня удивленный взгляд.

– Что?

– Забрал у них нож!

– Я этому учился, – говорит Голландец, пожимая плечами. – Каждый должен учиться. И тебе стоит научиться. Это элементарная безопасность. Я живу в большом городе... – Он замолкает. – Верно. Извини. Никаких личных данных.

– Не думаю, что сейчас это так важно, – говорю я со смехом, который опасно близок к рыданию.

– Ария! – Голландец выглядит потрясенным и останавливается, чтобы прижать меня к себе. – Все в порядке, – тихо произносит он. – Все кончено.

– Я знаю, – говорю я, прижимаясь к твердой груди. – Прости. Я в порядке. Слишком остро реагирую.

– Неправда, – твердо говорит Голландец. – Любой был бы потрясен. Но я думаю, нам надо идти, – добавляет он, крепче сжимая мою руку, и мы идем дальше. – Успокойся. Я здесь, я с тобой.

Его голос успокаивает мои расшатанные нервы и укрепляет дрожащие ноги. Мы идем, и по дороге он начинает зачитывать все дорожные знаки, специально коверкая слова, заставляя меня смеяться. Потом мы садимся в машину, едем обратно по прибрежной дороге, жуем пиццу, купленную у другого продавца, и мне уже кажется, что всего этого никогда и не было. За исключением того, что каждый раз, когда я смотрю на него, мое сердце все больше тает.

Он спас мне жизнь. Он темпераментный и любит собак, и

мы вместе прыгали со скалы, и он спас мне жизнь.

Мы оставляем машину в арендованном гараже, затем проходим около ста футов до монастыря и входим внутрь через массивную деревянную дверь. Внутренний дворик у входа пуст, и я останавливаюсь, оглядывая спокойный, освещенный свечами монастырь. Это как другой мир по сравнению с тем, в котором мы были. Ласточки кружат на фоне синего неба, и я чувствую запах вербены в воздухе.

– Отличный денек, – с кривой усмешкой говорит Голландец. – Ты приехала сюда для мирного писательского уединения, а вместо этого получила адреналиновые американские горки. Сердце еще колотится?

– Ага, – с улыбкой киваю я.

Мое сердце бешено колотится. Но уже не по этой причине. Этим вечером оно грохочет из-за нас.

Весь день я предвкушала: *сегодня вечером... сегодня вечером... может быть, сегодня вечером...* И вот мы здесь. Вдвоем. В безграничной итальянской ночи.

Когда я снова встречаюсь с ним взглядом, моя грудь сжимается от желания. Это вожделение почти болезненно. Потому что мы еще не закончили. Мы еще так много не закончили. Я до сих пор чувствую его губы, его руки, его волосы, вплетенные в мои пальцы. Моя кожа жаждет его. *Все мое естество жаждет его.*

– Нет смысла присоединяться к остальным, – говорит Голландец, как будто читая мои мысли, и его пальцы касаются

моих.

– Нет.

– Моя комната в конце коридора, – добавляет он. – Вроде как уединение.

– Звучит здорово, – говорю я, пытаюсь сдержать в голосе дрожь. – Могу я... взглянуть на нее?

– Конечно. Почему бы и нет?

Без лишних слов мы поворачиваемся и идем по коридору, наши шаги синхронны, кончики пальцев соприкасаются. У меня сбивается дыхание. Я почти умираю от желания. Но каким-то образом мне удастся переставлять ноги как нормальному человеку.

Мы подходим к деревянной, обитой гвоздями двери, и Голландец достает железный ключ. Бросает на меня долгий взгляд, от которого у меня сводит живот, затем тянется отпереть дверь.

– Твой личный вопрос, – внезапно вспоминаю я. – Ты так его и не задал.

На лице мужчины появляется тень веселья. Мгновение он изучает меня, затем наклоняется для поцелуя, долгого и крепкого. Его руки сжимают мои бедра. Он наклоняется еще ниже, нежно кусает меня за шею и шепчет:

– Успеется.

Пять

Господи.

Я не могу пошевелиться. Не могу думать. Я почти не спала. У меня мурашки бегут по коже каждый раз, когда я вспоминаю эту ночь.

Шорох простыней, и Голландец переворачивается, моргает от светящего в глаза лучика света. Мгновение мы смотрим друг на друга. Затем его лицо медленно расплывается в улыбке, и он бормочет: «Доброе утро». Притягивает меня к себе для долгого, затяжного поцелуя, встает с кровати и идет в ванную.

Я откидываюсь на подушку, и моя голова становится похожей на зефир. Сама сладость. Само блаженство. Мечтательность и мягкость. Когда Голландец снова появляется, приняв душ, я импульсивно говорю: «Я по тебе соскучилась!» – и это правда. Я не хочу расставаться с ним ни на секунду. Это не химия организмов, это магнетизм. Притяжение. Научно доказанная сила. Это неизбежно.

Но чувствует ли он то же самое? И что *будет* с нами теперь? Куда мы двинемся из этой точки? Я сажусь и жду, пока мужчина натянет рубашку и оглянется.

– И что теперь? – выпаливаю я, и лишь тогда вспоминаю, что именно это Клара спрашивает Честера, когда он садится в повозку с сеном. На какое-то нелепое мгновение я пред-

ставляю, что Голландец отвечает: «Когда ты в следующий раз встретишь меня, Ария, ты *поймешь*, что я человек слова!»

Но он просто моргает и говорит:

– Наверное, завтрак.

– Верно, – киваю я.

Я имею в виду, это очевидный ответ.

Мы идем, касаясь друг друга плечами, утреннее солнце танцует в наших волосах, и я чувствую себя легче, чем за последние месяцы. Годы. Мы подходим к дворику, и я вдруг осознаю, что нас не было со вчерашнего обеда. Это может показаться подозрительным, люди могут начать задавать вопросы...

Но когда мы присоединяемся к группе за большим деревянным столом, никто и вида не подает. Оказывается, вчера днем довольно много людей отказались от занятий йогой, а некоторые пошли ужинать в местный ресторан. (Вердикт: здешняя еда не так уж хороша, не стоит беспокоиться.)

Так что никто ни о чем не спрашивает и ни на что не намекает. И я этому рада. Не хочу пристального внимания. Хочу спокойно смотреть на Голландца поверх своего стакана с апельсиновым соком, перебирая восхитительные воспоминания. За исключением того, что мне нужно поделиться этим со своим отрядом. (Это все равно считается личным.)

После завтрака я беру на стойке регистрации телефон, ссылаясь на чрезвычайную семейную ситуацию, и иду на

угол улицы, где, как я слышала, хорошо ловит 4G. После того как я постояла там секунд пять, мой телефон начинает оживать. Это своего рода волшебство, как будто мир снова со мной разговаривает.

Все мои группы в Ватсапе переполнены уведомлениями, и я чувствую мимолетный укол тоски. Не могу поверить, что я так долго ни с кем не болтала. Но каким-то образом я заставляю себя проигнорировать 657 манящих сообщений. Обещаю себе, что не буду смотреть, потому что если посмотрю, меня засосет. Вместо этого я захожу в новую группу под названием *«Горячая линия экстренной помощи Аве»*, которую Нелл создала именно на этот случай.

Привет, печатаю я, и всего через десять секунд Нелл начинает печатать ответ. Как будто она ждала, когда я выйду на связь. Мгновение спустя мне приходит сообщение:

С ним все в порядке.

Затем на моем экране появляется фотография Гарольда с подписью:

Видишь? Он счастлив. Перестань нервничать. Иди и пиши!!

Мгновение спустя вмешивается Мод:

Ава! Как там книга?

Теперь и Сарика печатает:

Откуда у тебя телефон? Разве это не против правил?

Я понимаю, что они все в сети. Идеальное время. Я радостно печатаю:

Плывать на правила. Потому что – угадайте – я нашла парня. Я нашла идеального парня!!!

Я отправляю сообщение, смотрю, как приходят ответы, и мои губы расползаются в улыбке.

Что??!?!?!?

Вау.

Быстро ты!

Ты уже спала с ним? Выкладывай!!!!

Я не могу удержаться от громкого смеха, их волнение так заразительно.

Да, я уже спала с ним, спасибо, что спросили. И он потрясающий. Он замечательный. Он...

У меня заканчиваются слова, поэтому я набираю и отправляю шестнадцать смайликов с сердечком. Меня сразу же бомбардируют ответами.

Ясно.:))

Приятно слышать ☺

Подробнее!!! Как его зовут????

Я печатаю ответ – Голландец – и жду шквала.

Голландец!

Голландец??

Это что, имя?

Он из Нидерландов?

Я уже собираюсь напечатать «Нет», когда понимаю, что не знаю. Может быть, он *из Нидерландов*, но вырос в Великобритании, и поэтому у него британский акцент. Невозможно предположить.

Я не знаю, какой он национальности.

???

А где он живет???

Не знаю.

Чем занимается??

Не знаю.

Не знаешь????

Я издаю разочарованный вздох и снова начинаю печатать.

В этом ретрите все анонимны. В этом-то вся штука. Тут все иначе. Мы общаемся как люди. Не как списки статистических данных. Детали не имеют значения. Национальности не имеют значения. Работа не имеет значения. Только СВЯЗЬ имеет значение.

Когда я заканчиваю печатать, я ощущаю вдохновение, и мне интересно, даст ли то, что я написала, моим друзьям паузу для размышлений. Но на телефоне сразу же снова начинают появляться ответы.

???

Какой у него доход?

Не имеет значения, Сарика!!!

Нет, имеет, уж извини за такой прагматизм.

Думаю, она не знает.

И не может даже предположить?

Ава, дорогая, не хочу портить тебе настроение... Но что ты о нем ЗНАЕШЬ??

Читая нашу переписку, я понимаю, что стою на пути согнутой старухи с тележкой для покупок, и отскакиваю в сторону, извиняющимся тоном бормоча: «Scusi!»²⁶

Женщина улыбается, и я улыбаюсь в ответ, глядя на ее древнее морщинистое лицо и одновременно думая: «Она выглядит такой мудрой» и «Ой, я забыла нанести солнцезащитный крем». Затем я возвращаю свое внимание к разговору. Это кажется немного сюрреалистичным – стоять на отдаленной итальянской улице, пытаясь объяснить удивительное событие в моей жизни таким далеким сейчас подругам. Но после некоторого раздумья я снова начинаю печатать:

Вот что я знаю. У него темные и густые волосы. Блестящие глаза. Ему достаточно взглянуть на меня, чтобы у меня внутри все затрепетало. Когда он смеется, он запрокидывает голову. Он уверен в себе, но не хвастун. Ценит дружбу. И он любит собак.

Я добавляю очередной поток сердечных смайликов, на этот раз восемнадцать, и нажимаю «Отправить».

На другом конце воцаряется тишина. Затем начинают накапливаться ответы.

????

---

²⁶ Scusi! – Извините! (*итал.*)

И это все?

Как еще его зовут? Голландец и все? Я его гуглю.

Это так типично для Сарики. Я быстро печатаю:

Не знаю.

Затем, после некоторого колебания, признаюсь:

На самом деле Голландец – не настоящее имя. Я не знаю его настоящего имени.

На этот раз ответы приходят еще быстрее.

Не знаешь имени???

Позволь уточнить: ты не знаешь ни его имени, ни национальности, ни чем он занимается, ни где живет?

Так это просто секс.

Я смотрю на телефон, чувствуя себя уязвленной комментарием Мод. Прежде всего, что это значит, «просто секс»? Секс с правильным человеком – это трансцендентно. Это раскрывает душу человека. Тот, кто щедр в постели, будет щедрым и в повседневной жизни.

И в любом случае это не просто секс. Я знаю Голландца. Я построила с ним башню из гальки. Я видела, как он играл с подростками в футбол. Я прыгала с ним со скалы. Вот что важно. Не «Чем он занимается?», а «Ты прыгала с ним со скалы?»

Чувствуя себя немного раздраженной, я печатаю снова:

Это больше, чем секс. Я чувствую его суть. Он хороший человек. Добрый. Бесстрашный. Очень

храбрый.

Я делаю паузу на несколько секунд, а затем добавляю довод:

Он спас меня от нападения с ножом. Он спас мне жизнь.

С этим не поспоришь. Он спас мне жизнь. Он спас мне жизнь! Но если я думала, что мои подруги откликнутся на эту романтику, я ошиблась.

Нападение с ножом????

Что, черт возьми, там происходит?

Ава, береги себя.

Я думаю, тебе пора возвращаться домой.

Этот парень может быть убийцей с топором!!

Я знаю, что они наполовину поддразнивают меня, но я также знаю, что наполовину они серьезны, и это меня беспокоит. Я снова печатаю, мои пальцы немного дрожат.

Прекратите. Все в порядке. Все хорошо. Я счастлива.

Затем я добавляю:

Мне нужно идти. Если вы не забыли, у меня тут литературный ретрит.

Наступает мгновенная пауза, затем в телефон приходят слова прощания:

Хорошо, скоро поговорим xxxxx

БЕРЕГИ себя хохох

Наслаждайся!!;);)

И, наконец, появляется еще одна фотография Гарольда, к его рту прифотошоплен бабл со словами: «УЗНАЙ, КАК ЕГО ЗОВУТ!!»

Хм. Забавно.

Я возвращаюсь в монастырь, и меня раздрают противоречия. *Конечно*, мне любопытно. *Конечно*, я строила предположения. Часть меня отчаянно хочет узнать его настоящее имя. И его возраст. И в каком городе он живет. (Пожалуйста, *пожалуйста*, пусть только это будет не Сидней.)

Но часть меня не хочет этого знать. Пока еще нет. Мы находимся в том самом волшебном пузыре, и я хочу оставаться в нем как можно дольше.

Могу ли я, по крайней мере, выяснить *одну* деталь? Его настоящее имя?

Я останавливаюсь у входа в монастырь, обдумывая это.

Проблема в том, что, если я узнаю его имя, я тут же загуглю его. *Я не собираюсь... Не хочу...* но я сделаю это. Точно так же, как я зачастую *не собираюсь* или *не хочу* заказывать булочку к кофе, но ой, посмотрите, вот она на моей тарелке, как же так получилось?

Я уже вижу, как оправдываюсь, беру телефон, лихорадочно жду, когда загрузится результат...

И разрушит все блаженство.

Я медленно открываю ключом тяжелую деревянную дверь и вхожу под защиту толстых каменных стен. Возвращаю те-

лефон на стойку регистрации и иду в главное здание монастыря. Фарида разговаривает с Джузеппе, который является носильщиком, водителем и главным помощником, но, увидев меня, кивает ему и поворачивается в мою сторону.

– Ария! – приветствует она меня. Ее волосы безукоризненно струятся по спине, янтарные бусины ожерелья постукивают друг о друга. – Я как раз иду на первое занятие. Вы готовы?

– Да! – говорю я и иду с ней в ногу, пытаюсь вернуть свои мысли к главной задаче.

– Вы находите этот ретрит полезным? – по дороге спрашивает она.

Что ж, он помог мне переспать с мужчиной.

– Да, – серьезно отвечаю я. – Даже очень.

Утреннее занятие называется «Свободное письмо». Мы должны работать над любой темой, а затем поделиться этим с классом. Некоторые пишут в своих комнатах, другие нашли тенистые уголки в саду или во дворе.

Голландец объявляет, что будет писать в своей комнате, и я чувствую, что не стоит к нему присоединяться. Поэтому я брожу, пока не нахожу уединенную скамейку рядом с огромным кустом розмарина. Усаживаюсь, задрав ноги, и мой ноутбук балансирует у меня на коленях. Я рассеянно растираю в пальцах веточки розмарина. Я все еще чувствую возбуждение. И мечтательность. Я могу думать только о сексе. И

прошлой ночи. И Голландце.

Но это нормально. На самом деле это *хорошо*. Это придаст силы моему тексту. Да! Меня переполняют слова и чувства, которые я хочу вложить в уста своих влюбленных, Честера и Клары. Я собираюсь ускорить их роман. Я вижу, как они падают на землю, Честер настойчиво дергает Клару за корсаж...

Подождите, им же нужно сначала пожениться? Я немного смутно представляю себе викторианские нравы. Может быть, водитель фургона с сеном может оказаться викарием и они быстренько поженятся по дороге?

Что угодно. Мне все равно. Самое главное, что у них будет секс. Скоро. Я никогда раньше не писала о сексе, но почему-то сегодня это буквально рвется из меня.

Он со стоном вошел в нее, быстро печатаю я, а затем съеживаюсь и быстро удаляю написанное. Или так... *Он погрузился в нее.*

Нет, это слишком рано. К погружению нужно подготовиться.

Сорвав с Клары корсаж, он застонал, как...

Как...

У меня в голове пусто. Как вообще стонут? Особенно – мужчины, занимающиеся сексом?

Хорошо, вернусь к этому позже. Я вернусь к тому участку с 4G и погуглю «как стонут мужчины».

Он уносил ее от реальности. Пьянил. Ее воспаменяло

прикосновение его пальцев. От звука его голоса у нее кружилась голова. Все остальное в жизни казалось неважным. Какая разница, где он работает или как его зовут...

Стоп. Я пишу не о Кларе. Я пишу о себе.

Оторвавшись от клавиатуры, я выдыхаю и смотрю в бесконечное голубое небо. Он действительно уносит меня от реальности. И действительно пьянит. По правде говоря, я могу думать только о Голландце.

Как бы то ни было, к моменту, когда мы собираемся снова, мне удастся написать фрагмент. На самом деле я так увлеклась, что опоздала, а Голландец уже сидит между Писцом и Будущим Автором. Это абсолютно предсказуемо, но не важно.

Когда Фарида приглашает нас поделиться утренними работами, я внезапно чувствую себя бесстрашной. Если я смогла прыгнуть со скалы, смогу прочитать вслух свою сцену.

– Я прочту, – говорю я, поднимая руку. – Сегодня утром я написала... – Я прочищаю горло. – Ну, вообще-то это моя первая в жизни сексуальная сцена.

Писец вскрикивает, и несколько человек, смеясь, аплодируют.

– Молодец! – подбадривает Будущий Автор. – Читайте!

Я поднимаю распечатку и откашливаюсь. На самом деле я вполне довольна этой сценой, потому что, помимо любовного аспекта, у меня там есть немного социальных ремарок.

– Итак, это из романа, над которым я работаю, о котором

я вам рассказывала, – начинаю я. – Просто чтобы напомнить вам, действие происходит в викторианской Англии.

После небольшой заминки я начинаю читать вслух.

– Ты моя жена, – прорычал Честер. – И я заявляю о своих правах на тебя.

– Это устаревшая практика, – отрезала Клара, в ее глазах горел огонь феминизма. – Я предвижу, что в будущих поколениях женщины будут равны.

На лбу Честера выступил пот стыда.

– Ты права, – сказал он. – Я присоединюсь к борьбе, Клара. В последующие годы я буду мужчиной-суфражистом.

Но затем Честер больше не мог сдерживать свое пульсирующее желание.

Он сорвал с Клары корсаж и застонал, как... – я запинаясь – ...*Heleioporus eyrei*²⁷.

– Что? – сразу же говорит Метафора, скидывая руку.

– Это лягушка, – защищаюсь я. – Стонушая.

– Продолжайте, Ария, – тихо говорит Фарида. – Давайте пока оставим все вопросы и комментарии.

Он снял бриджи, и она познала его мужественность.

Я внутренне морщусь, потому что не в восторге от «мужественности», но что еще я могла написать? Я переворачиваю

---

²⁷ *Heleioporus eyrei* – стонушая норница, вид земноводных (лат.).

страницу и чувствую, что попадаю в свою стихию.

Он был изобретателен. Он был вдумчив. Они занимались сексом всю ночь. Когда светила луна, они сидели на широком каменном подоконнике, пили вино и грызли гриссини²⁸, чувствуя, как их голод друг к другу снова нарастает; зная, что он будет утолен. Они были практически незнакомы. Так мало знали друг о друге. Но их связь была такой реальной. Позже, когда он спал, она смотрела на его открытое, честное лицо. Густые темные волосы. Мощное, мускулистое тело. Она была очарована. Мучима как тем, что она знала о нем, так и тем, чего не знала. Он казался ей чудесной новой страной, ожидающей, чтобы ее открыли.

Я останавливаюсь, и раздаются аплодисменты.

– Молодец, – говорит Фарида, ободряюще улыбаясь мне. – Писать о таких интимных моментах нелегко... Да, Метафора? У вас есть еще вопросы?

– Всего несколько. – Метафора бросает на меня ехидный взгляд. – Гриссини? В викторианской Англии?

О. Упс. Я представляла Голландца и себя прошлой ночью. Надо было написать «леденцы».

– Просто небольшая оплошность, – легко говорю я. – Если это все...

– Нет, еще не все, – говорит Метафора. – Я думала, Клара

---

²⁸ Гриссини – традиционные итальянские хлебные палочки.

и Честер выросли вместе в деревне. Как они вдруг оказались незнакомы?

– Я тоже задавалась этим вопросом, – вмешивается Писец.

– У меня тоже есть вопрос, – мягко вставляет Остин. – Я думала, Честер – светловолосый и стройный? Но теперь он вдруг стал смуглым и мускулистым?

Метафора многозначительно смотрит на Голландца, затем поднимает брови, глядя на Остин. Она *догадалась*? Я откидываю волосы, испытывая некоторую тревогу. Как я могла забыть, что Честер – блондин?

– Это... работа в процессе, – говорю я, избегая смотреть всем в глаза. – В любом случае давайте послушаем кого-нибудь еще.

Я складываю свои распечатки, прежде чем кто-нибудь еще сможет меня поймать.

– Очень хорошо, Ария, – быстро добавляет Остин. – Очень... ну, вы понимаете. Реалистично.

– Спасибо, – улыбаюсь я ей, а Фарида говорит:

– Кто еще хочет прочесть нам свою работу?

Голландец сразу же поднимает руку, и все смотрят на него.

– Голландец! – Фарида, похоже, тоже удивлена.

– Я знаю. – Он смущенно усмехается. – Последний человек, которого вы ожидали услышать. Но сегодня на меня снизошло вдохновение. – Он поднимает исписанную от руки страницу, и Писец, которая сидит рядом с ним, восклицает:

«Вау!»

– У меня раньше никогда не было вдохновения писать. Но... – Он пожимает плечами, и его лицо расплывается в заразительной улыбке. – Сегодня слова почему-то потекли рекой.

– Тогда это особый момент, – мягко сверкая глазами, замечает Фарида.

– Молодец, старина! – восклицает Будущий Автор, хлопая Голландца по спине.

– Видите? Каждый может стать писателем при правильном вдохновении, – улыбается нам Фарида. – Это очень волнующе. Голландец, нам не терпится услышать, что вы написали.

Голландец бросает взгляд на свою страницу, затем добавляет:

– У меня еще нет сюжета или чего-то в этом роде. Наверное, я пытался обрести свой голос. Как вы нам вчера говорили? – Он смотрит на Фариду. – Вы сказали, надо быть смелыми и честными. Вот к чему я стремился. К смелости и честности.

– Bravo! – восклицает Фарида. – Действительно, я так и говорила. Давайте же послушаем этот смелый, благородный голос.

На мгновение воцаряется тишина, затем Голландец переводит дыхание и начинает:

Они трахались.

Его голос звенит в комнате, и в нем слышится легкое удивление.

– Дерзко, – бормочет рядом со мной Книголюб, а Голландец продолжает.

Это было невероятно. Она была горячей. И она была громкой. Громче, чем он ожидал. Это впечатляло. После этого они пили вино и ели гриссини. Тогда...

Он делает паузу, хмуро глядя на собственный почерк. По комнате пробегают искры интереса, и я чувствую, как несколько взглядов устремляются в мою сторону.

– Гриссини, – бормочет Метафора. – Кто бы мог подумать?

Я чувствую себя слегка не в своей тарелке. Мне почему-то хочется подать Голландцу знак, но он набирает в грудь воздуха и читает дальше.

Ее кожа была красивой, как...

Мужчина снова замолкает и говорит:

– Извините, не могу разобрать собственный почерк... Это «шелковый»? Или?... – Он поворачивает голову и внимательно изучает мою ногу, как будто ждет подсказки, и его лоб внезапно разглаживается. – Ах да, помню, «молоко».

– Извините, что прерываю, Голландец, – говорит Метафора, вежливо поднимая руку, – но поскольку мы на паузе... это художественный вымысел?

Голландец кажется застигнутым врасплох.

– Конечно, – говорит он через мгновение. – Вымысел. Верно.

– Как зовут ваших персонажей? – с милой улыбкой спрашивает Метафора.

– Как их зовут? – Мужчина выглядит сбитым с толку. Он смотрит на меня и снова отводит взгляд. – До этого я еще не дошел.

О боже. Неужели он не понимает, насколько это *очевидно*? Я ерзаю на стуле, но Голландец переворачивает страницу и уверенно продолжает.

У нее был очень долгий оргазм, похожий на крик отчаяния в вечернем воздухе.

Нет. Он *не просто так* это написал. У меня пылают щеки. Кто-то считает, что это – я? Оглядывая комнату, я понимаю: они *все* считают, что это – я. Я изо всех сил пытаюсь встретиться с Голландцем взглядом и передать ему слово «*Стоп!*», но он уже снова читает.

И она оказалась предприимчивой. Большие, чем он мог предположить. Например...

– Написано сильно, Голландец, – поспешно перебивает его Фарида. – Дальше все... в таком же духе?

– Большой частью. – Мужчина поднимает глаза, его лицо сияет. – Как я уже сказал, на меня снизошло вдохновение. Теперь я понимаю, почему вы, ребята, любите писать. Это такой *кайф*, правда? Когда я это писал, мне это дало...

Он замолкает, как будто не в состоянии описать, что это ему дало.

Хотя у меня есть одна идея.

– Ну, я предлагаю пока оставить это, – умоляюще говорит Фарида. – Большое вам спасибо за то, что поделились своей... работой.

– Подождите, я дошел до хорошего куска, – говорит Голландец и возвращается к своему тексту.

Они делали это на стуле с высокой спинкой. Это было умопомрачительно. Она обхватила его ногами...

– Хватит! – почти отчаянно прерывает Фарида и для верности кладет руку на его страницу. – Хватит. Давайте двигаться дальше. Мои поздравления Голландцу за то, что он... обрел новый смелый голос. Кто следующий?

Она приглашающе разводит руками, но никто не вызывается. Все смотрят – кто на меня, кто на Голландца, кто на стул с высокой спинкой, на котором я сижу.

– Не знаю, как другие, – наконец хриплым голосом произносит Кирк, – но я бы с радостью еще послушал Голландца.

Шесть

Когда группа наконец расходится на обед, я не в состоянии смотреть им в глаза. *Никому*. Я жду, пока остальные выйдут, затем хватаю Голландца и тащу в нишу.

– Что это было? – требую я. – Все поняли, что это были мы!

– Что? – Мужчина выглядит озадаченным.

– Твой фрагмент! Секс! Было очевидно, что ты писал о... ну, ты меня понял. Мы... прошлой ночью. *Гриссини*? – многозначительно добавляю я.

– Это был художественный вымысел, – немного обиженно говорит Голландец. – Все решили, что это художественный вымысел.

– Нет, они так не решили! Нельзя просто изменить имена и сказать, что это – художественный вымысел. А ты вообще даже не потрудился придумать имена, – внезапно вспоминаю я. – Ты совсем не скрывал этого! Все смотрели на нас и представляли, как мы делаем это на стуле.

– Что? Нет, ничего они не представляли! – Голландец делает паузу, и я вижу, как он запоздало обдумывает эту мысль. – Ну ладно. Может быть, пара человек подумала, что это были мы.

– Все подумали, что это были мы, – твердо возражаю я ему. – *Все*.

— Ну, значит... они завидуют. — Мужчина озорно сверкает глазами, и я невольно улыбаюсь. Затем он притягивает меня ближе и добавляет: — Я *хотел бы* заняться с тобой этим на стуле. Я скучал по тебе этим утром.

— Я тоже скучала по тебе, — бормочу я. Мое негодование, кажется, растаяло. Он меня словно заколдовал. — «Умопомрачительно», да? — насмешливо добавляю я. — Это твой пятизвездочный отзыв?

Голландец издает низкий смешок.

— Давай быстренько пообедаем, — предлагает он. — И устроим себе сиесту.

— Хорошая идея.

Он так близко, что я чувствую его дыхание на своей коже. Когда мы смотрим друг на друга, я по глазам вижу, о чем он думает, и дрожу от предвкушения.

— Идем? — говорит он, и тут я вижу, как через двор идут Писец с Новичком и Книголюбом.

— Да... Нет... Еще кое-что. — Я жду, пока все окажутся вне пределов слышимости, а затем немного неуверенно говорю: — Я собиралась спросить, как тебя зовут. В качестве моего сегодняшнего личного вопроса.

— Правильно. — Я вижу легкую настороженность в его взгляде. — Хорошо.

— Я *собиралась*. — Я поднимаю руку, чтобы он не выпалил ответ. — Я знаю, что это против правил ретрита, но я подумала, что если мы были... ну, ты понимаешь... вместе, то... —

Я делаю вдох. – Но потом я передумала.

– О, правда? – Он смотрит на меня так, как будто не в состоянии успеть за моими мыслями, и вероятно, он действительно не в состоянии. Никто не может уследить за моими мыслями. Нелл называет меня Алисой в Стране чудес, потому что я часто блуждаю по нескольким мысленным дорогам одновременно.

Что, строго говоря, не совсем то, что делает Алиса в Стране чудес, но...

Ох, СТОП. Я снова блуждаю. Сосредоточься, Ава.

– Мы здесь в пузыре. – Я пристально смотрю ему в глаза, пытаюсь передать важность того, что я говорю. – И это своего рода волшебство. По крайней мере, я так считаю.

Это намек для Голландца, чтобы он сказал: «Я тоже», но он просто продолжает смотреть на меня, как будто ждет продолжения.

Ну, по крайней мере, он не сказал: «Я так не считаю».

– Это знакомство без имен, почтовых индексов, семейного происхождения и всего этого дерьма... – Я выдыхаю. – Это *роскошь*. Мы должны наслаждаться этим. Смаковать.

– Да, – наконец оживает он. – Я согласен. Полностью.

– Это действительно так. То, что между нами, кажется... – Я колеблюсь, вдруг это слишком много, слишком рано? Но я не могу остановиться. – Ты можешь подумать, что это просто отпускная интрижка, – мой голос немного дрожит. – Но я думаю... я уже чувствую, что это... нечто большее.

Между нами повисла невыносимая тишина. Я слышу отдаленный взрыв смеха со стороны обеденного стола, но я слишком захвачена происходящим.

– Я тоже думаю, что это нечто большее, – наконец тихо говорит Голландец и крепко сжимает мои руки.

– Ну... хорошо. – Глупая улыбка расплывается на моем лице. – Я... Я... Я действительно чувствую...

– Я тоже.

Он улыбается в ответ, и на мгновение мы замолкаем. И я не совсем верю в ауры, но сейчас мы находимся в какой-то ауре. Я *чувствую* это. Оно вокруг нас.

– В общем, – говорю я, приходя в себя, – я хочу сказать, давай *не будем* больше задавать друг другу личные вопросы? *Не будем* пытаться выяснить... Давай не будем спрашивать друг друга, какие у нас фамилии и где мы живем? Во всяком случае, пока не уедем отсюда. Давай останемся в пузыре.

– Звучит неплохо, – кивает Голландец. – Мне нравится быть в пузыре. В самом деле, нравится.

– Мне тоже нравится быть в пузыре. – Я чувствую, как мое лицо смягчается, когда он наклоняется ко мне, чтобы поцеловать. – Хотя погоди. Есть одна вещь, которую, я думаю, нам нужно знать. У тебя... есть дети?

Эта мысль пришла мне в голову во время занятия, и теперь она не оставит меня в покое. Не то чтобы это было *проблемой*, конечно, нет, просто...

– Дети? – На лице Голландца появляется удивление. – Нет.

А у тебя?

– Нет. – Я решительно мотаю головой. – Я... Хотя у меня есть собака.

Произнося эти слова, я чувствую, как все мои нервы напрягаются. Потому что Гарольд – мой ребенок. Если у Голландца есть какие-то, я не знаю, возражения... или проблемы...

Я жду его ответа, и мне так страшно, что я едва могу дышать. Потому что все это может закончиться прямо сейчас. И тогда я умру. Я на самом деле умру.

«У него не может быть проблем, – говорит оптимистичный голос в моем сознании (Алиса). – Он любит собак»!

«Откуда ты знаешь, – отвечает Красная Королева, которая вечно создает проблемы и зарабатывает очки. – Может быть, ему нравятся только белые овчарки».

– Я люблю собак, – легко говорит Голландец, и я чуть не падаю в обморок.

– Отлично! – говорю я, мое облегчение буквально вырывается наружу. – Его... Его зовут Гарольд. Он...

Может, показать ему фотографию? Нет. Слишком рано. В любом случае я уже и так много рассказала.

– Держу пари, он замечательный пес, – говорит мужчина.

– О, так и есть, – нетерпеливо подтверждаю я. – Так и есть.

Одна только мысль о том, что Голландец встретится с Гарольдом, наполняет меня эмоциями. Два моих центра любви – вместе!

Стоп. Я имею в виду «любовь»? Мы едва знакомы. И я использую слово «любовь» даже в своих мыслях?

— Идем? — Голландец тянет меня за руку. — Хочу гриссини, — подмигивает он. — И давай больше не будем прятаться? Потому что если ты права, то ни для кого не секрет, что мы переспали. И мне приятно быть с самой красивой здесь девушкой. — Он крепко берет меня под руку. — Знаешь, ты тоже упомянула в своем тексте гриссини, — добавляет он, когда мы пересекаем галерею. — Так что не нужно так уж задирать нос.

Он снова подмигивает мне, и я чувствую прилив... чего? Ну же. Будь честной. Есть *только одно* слово для того, что я сейчас чувствую.

Я люблю его. Я ничего не знаю об этом парне. Ни возраста, ни его работы, ни даже его имени. Но я люблю его.

К пятнице мы уже пара. Мы — *пара*. Мы ходим, держась за руки, и сидим рядом друг с другом на занятиях. Остальные, как само собой разумеющееся, оставляют для нас за ужином два соседних стула. Они говорят «Ария и Голландец», когда обсуждают планы на вечер.

Я никогда в жизни не чувствовала себя так пьяняще, такой счастливой и восторженной. Лицо Голландца, когда я просыпаюсь. Его смех. Его сильная рука в моей.

В пятницу днем Джузеппе вывозит всю группу из монастыря в оливковую рощу на склоне холма на пикник. Все письменные занятия закончены, и Фарида объяснила, что те-

перь мы можем расслабиться, снять маски, представиться и попрощаться.

Когда я выхожу из микроавтобуса, я испытываю огромное огорчение, потому что мне здесь понравилось. Солнце, еда, литература, люди... Я даже буду скучать по Метафоре. Неподалеку Остин, Писец и Будущий Автор уже говорят о бронировании на следующий год, и я их не осуждаю.

Джузеппе выгружает из мини-автобуса огромную корзину, некоторые несут пледы. Я уже собираюсь пойти и помочь, но тут подходит Будущий Автор, размахивая передо мной листком бумаги.

– Ария! Вы участвовали в конкурсе?

– В конкурсе? – моргаю я.

– «Угадай имя». Двое написали, что ты – Кlover.

«Кlover?» Я беру у него бумагу, смотрю и начинаю смеяться. Насчет моего имени сделано семь предположений, и все они ошибочны.

Немного подумав, я записываю собственные догадки. Это так банально и глупо, но я действительно чувствую, что Будущий Автор может быть Дерекком, а Кирк может быть Шоном.

– Отлично! – Будущий автор забирает листок. – А теперь давайте немного выпьем и сможем сделать большое открытие!

– Вообще-то... – Я кладу руку ему на плечо. – Мы с Голландцем пока не раскрываем своих имен. Не хотим раскры-

вать до тех пор, пока это не станет совсем уж необходимо.

Это была моя идея. Мы уедем только завтра утром. А сейчас мы в раю. Как только мы раскроем наши имена, весь поток информации хлынет наружу... и толку? Зачем делать так, чтобы наш драгоценный пузырь лопнул раньше, чем необходимо?

– Вполне справедливо, – подмигивает Будущий Автор. – Я и сам не прочь немного поиграть в ролевые игры.

Я смотрю на него с негодованием. *Ролевая игра*? Это не *ролевая игра*, это настоящая, взаимная любовь! Я собираюсь сказать ему об этом, но он уже направляется к группе, рассевшейся на удивительных вышитых пледах (которые продаются в сувенирном магазине). Я мгновение смотрю в эту сцену, желая, чтобы она длилась вечно.

Там подают просекко²⁹ и тарелки с вяленным мясом, над чем-то смеется Фарида, солнечный свет пробивается сквозь оливы, и это – просто идиллия.

Голландец болтает с Джузеппе, они вместе несут из фургона последнюю упаковку ветчины. Он подмигивает мне, затем подходит, чтобы присоединиться, и мы вместе находим местечко на одном из пледов. Я потягиваю свое просекко, а Новичок предлагает тост за Фариду, после чего та произносит приятную речь о том, какая мы особенно очаровательная и талантливая группа. (Уверена, она говорит это каждую

---

²⁹ Просекко – итальянское сухое игристое вино. Производится в девяти провинциях Италии.

неделю.)

Затем Будущий Автор постукивает вилкой о стакан.

– Внимание! Время большого раскрытия личностей! Сейчас я зачитаю все имена, которыми, *по вашему мнению*, я могу зваться. Дерек. Кит. Джеймс. Саймон. Десмонд. Рэймонд. Джон. Роберт. На самом деле... – Он делает эффектную паузу. – Я – Ричард! И я – учитель географии из Нориджа³⁰.

Все поражаются аплодисментами и возгласами, Ричард сияет, а затем говорит:

– Следующий... Писец! – Он передает ей бумагу, и тут Кирк кричит:

– Подождите! Писец, можно мне передумать? По-моему, вас зовут Марго.

Писца зовут *не* Марго, а Фелисити, и она – домохозяйка. Метафору зовут Анной, она работает в Лондоне в отделе кадров. Кирка зовут Аарон, он защитил докторскую диссертацию по информатике. Новичка зовут Эйтни, и у него одиннадцать внуков! На самом деле это действительно забавно – слышать, как каждый раскрывает свою истинную сущность, и на мгновение я задаюсь вопросом, не стоит ли нам присоединиться... Но разве терпеливые не получают лучшее?

И в любом случае, по правде говоря, у меня уже есть четкое представление о Голландце. У меня сильно развита интуиция. Я не экстрасенс, но... кое-что улавливаю. У меня

---

³⁰ Норидж (Норвич) – город в Восточной Англии, региональный административный центр Восточной Англии и главный город графства Норфолк.

чувствительный радар. Он хорошо умеет делать что-то руками и загорелся, когда я на пляже упомянула о мебели. Любит дизайн и однажды проговорился о «мастерской». Итак, сложив все это вместе, я думаю, что он – плотник. Он, наверное, делает красивые инкрустации или что-то в этом роде, и я *думаю*, что он работает вместе с отцом.

У него также есть имя иностранного происхождения. Он выпалил это по ошибке два дня назад. Конечно, оно может быть каким угодно... но у меня мгновенно всплывает в голове имя «Жан-Люк».

У меня просто есть *предчувствие* по этому поводу. Жан-Люк. Он *похож* на Жан-Люка.

Привет, это Жан-Люк. Он плотник.

Да. Это кажется реальным. Похоже на Голландца.

Я не знаю, где он живет, и это немного пугает. Но это город, и это не Австралия и не Новая Зеландия. (Я бы не вышла, не спросив его об этом.) Так что у нас все получится. Будь то Манчестер, Париж или Сиэтл. Получится.

– Итак, Голландец и Ария, – наконец поворачивается в нашу сторону Ричард. – Вы пока не раскрываете свои личности.

– Их имена их *слишком* смущают, – говорит Кирк, и раздается взрыв смеха.

– Я знаю, это кажется странным, – говорю я со смущенной улыбкой. – Но мы просто хотим продлить волшебство. Это было так необычно...

– Отпускные интрижки всегда такие, – говорит Анна в своей милой стервозной манере, и я вздрагиваю. Ну зачем она это сказала? Это *не просто* отпускная интрижка.

Я вижу, как Голландец переводит взгляд с нее на меня и понимает, что мне больно. И прежде чем я успеваю перевести дыхание, он встает. Он делает мне знак присоединиться к нему, и, чувствуя себя сбитой с толку, я тоже встаю. Все поворачиваются, чтобы посмотреть на нас, и Ричард снова звякает своим стаканом.

– Слово предоставляется жениху и невесте! – объявляет он шутливым тоном, и я знаю, что он просто дурачится, но все равно меня охватывает *дрожь*. Я нерешительно смотрю на Голландца – потому что это была его идея, – и он переводит дыхание.

– Хорошо, ребята, вы победили, – непринужденно говорит он, оглядывая выжидающие лица. – Вы до меня добрались. Я никогда не думал о романтике, пока не попал на этот курс. Я никогда не думал о «любви». Но сейчас это все, о чем я *могу* думать... Потому что я люблю эту женщину. – Он поворачивается ко мне. – Не на неделю. Это не отпускная интрижка. Это – навсегда.

Я смотрю на него, потеряв дар речи, мои глаза мгновенно наполняются слезами. Я такого не ожидала. Никак не ожидала, что он выступит с публичной речью, будет так настойчив и посмотрит на меня вот так. Его глаза – теплые и любящие.
Навсегда.

– Голландец... – начинаю я, затем с трудом сглатываю, пытаюсь собраться с мыслями. Я едва замечаю Писца, или, вернее, Фелисити, подкрадывающуюся ко мне с плетеным зеленым венком.

Она с озорной улыбкой водружает его мне на макушку и отступает. И теперь я *действительно* чувствую себя невестой, стоящей в оливковой роще в белом легком платье с венком на голове. О боже. Я боюсь, что могу не справиться.

– Голландец, – снова начинаю я, стараясь не обращать внимания на скатившуюся по щеке слезу. – Я пришла на этот курс, чтобы научиться писать о вымышленной любви. Фантастической любви. Но нашла настоящую. – Я крепко сжимаю его руки. – Прямо здесь. Настоящую. – Мой голос начинает дрожать, но я заставляю себя продолжать. – И я хочу поклясться тебе, Голландец, что независимо от твоего настоящего имени... независимо от того, чем ты занимаешься... независимо от того, где ты живешь... у нас все получится.

Мгновение Голландец молча смотрит на меня, затем притягивает для поцелуя, и все разражаются возгласами, приветствиями и аплодисментами. Ричард поет свадебный марш, потому что он из тех, кто любит пошутить, и я уверена, что Анна усмехается, но я даже не собираюсь смотреть в ее сторону. Я на вершине блаженства. Я пребываю в восхитительном, туманном, романтическом блаженстве, и...

– Scusi³¹. – Джузеппе появился из ниоткуда, держа в руках

---

³¹ Scusi. – Прошу прощения (*итал.*).

стопку бумажных листков, и я неохотно перевожу на него взгляд. – Талоны на такси, – объявляет он мне и Голландцу. Проверяет бланки, затем протягивает по одному каждому из нас. – Рейс British Airways в Хитроу. Да? Такси отправляется в восемь утра. – Он оживленно кивает, затем переходит к раздаче ваучеров другим гостям, в то время как Голландец и я смотрим друг на друга, осмысливая свалившуюся на нас информацию. Хитроу. Хитроу! Я потрясена. (На самом деле я *почти* разочарована, потому что представляла, как романтически борюсь с трудностями отношений на расстоянии.)

– Хитроу, – говорит Голландец. – Что ж, это все упрощает. Ты живешь в Лондоне?

– Ш-ш-ш! – я замахиваюсь на него руками. – Еще... еще не время.

Звезды сошлись, думаю я с головокружительной радостью. Вот что это такое. Из всех мест во всем мире Голландец оказался из... Лондона!

– Я всегда предполагал, что ты оттуда, – добавляет он, и я вздрагиваю от удивления.

– Как, черт возьми, ты мог это предполагать? Я могла бы жить где угодно! Могла бы жить в... Сиэтле! Монреале! Джайпуре! – Я задумываюсь в поисках других случайных мест. – Гонолулу!

Мужчина мгновение недоуменно смотрит на меня.

– Ты говоришь как жительница Лондона, – говорит он, пожимая плечами. – Плюс я болтал с Надей, и она сказала, что

более шестидесяти процентов класса приехали из Лондона.

– О.

– У них рынок ориентирован на Лондон, – добавляет он. – Мы говорили о том, как они могут расширить свои цели на региональном уровне. Это интересно.

Хорошо, я чувствую, что мы немного отклоняемся от темы. Чтобы вернуть себе настроение, я протягиваю руку, чтобы снова поцеловать его, затем прижимаюсь щекой к волевой, заросшей щетиной челюсти.

– Нам суждено быть вместе, – шепчу я ему на ухо. – Вот так. Нам суждено быть вместе.

Семь

Когда на следующее утро мы садимся в самолет, я просто сгораю от нетерпения. Я наконец-то узнаю о Голландце! И Голландец узнает обо мне... и начнется наша счастливая совместная жизнь.

Мы решили, что не будем делиться друг с другом подробностями в самолете. (По крайней мере, так решила я.) Пусть я умираю от любопытства, но момент должен быть *правильным*. Мы ждали так долго; можем подождать еще немного.

Итак, мой план таков: мы прилетаем в Хитроу, находим бар, садимся лицом друг к другу, делаем глубокий вдох... и раскрываем все. А пока, просто ради развлечения, мы запишем в полете несколько предположений. Имя, работа, хобби. Это тоже была моя идея. Я собиралась добавить «возраст», а потом внезапно осознала, насколько это ужасно, и поправились: «Все, кроме возраста».

Несколько человек с курса тоже летят этим самолетом, их места разбросаны по всему салону. Голландец сидит на четыре ряда впереди меня, но это нормально. Нам не нужно сидеть вместе. У нас впереди вся оставшаяся жизнь, чтобы быть вместе.

Мы оба уже одеты в обычную одежду. Я в легком платье, Голландец в джинсах и льняной рубашке, которую он купил в монастырском сувенирном магазине. Его наряд мало что

выдает, хотя я заметила отличные часы. Он загорелый и мускулистый, и на нем шлепанцы. Выглядит *точь-в-точь* как плотник.

Я записываю «плотник» и «Жан-Люк», а затем откидываюсь на спинку сиденья, пытаюсь представить, где бы он мог жить и работать. Я *определенно* могу представить себе его мастерскую. И его самого в мастерской, одетого в вылинявшую серую майку. Может быть, он распиливает несколько досок и начинает потеть, затем выходит на улицу с чашкой кофе и снимает майку, чтобы заняться боевыми искусствами под лучами солнца. М-м-м.

Это оказалось таким восхитительным видением, что я закрыла глаза, чтобы представить его еще более ярко, а потом, наверное, задремала, потому что примерно через пять минут оказалось, что мы заходим на посадку. Лондонское небо – белое и пасмурное, и когда мы спускаемся, я чувствую укол тоски по Италии, но вскоре все смывает волнение. Осталось недолго! Мы договорились встретиться у багажной карусели, и когда я прихожу туда, я вижу Эйтни и Анну. (Все еще странно не называть их Новичком и Метафорой.)

– Приятно было с вами познакомиться, – говорит Эйтни, крепко обнимая нас перед уходом.

Анна нас не обнимает, но говорит «Удачи» с одной из своих язвительных улыбок, и я заставляю себя приятно улыбнуться в ответ и сказать:

– И вам!

Затем, наконец, появляются наши чемоданы, и мы везем их к выходу.

– Куда пойдём? – спрашиваю я, когда мы выходим через ворота прибытия в толпу водителей, держащих таблички. – Может, в один из отелей аэропорта? Посидим в баре? Закажем немного вина?

– Хорошая идея, – кивает он.

– Ну что, ты сделал какие-нибудь предположения обо мне в самолёте? – не могу я удержаться от вопроса, и мужчина смеется.

– На самом деле у меня есть кое-какие догадки. Я имею в виду, я уверен, что ошибаюсь, – мгновенно отступает он. – Это всего лишь предположения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.